

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
ТОПИЛИН

Тропа
бабьих
слёз

Сибиряда

Владимир Топилин

Тропа бабьих слез

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Топилин В. С.

Тропа бабьих слез / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Сибириада)

СобираТЕЛЬный сюжет романа основан на реальных событиях времен 1920–1930-х годов прошлого столетия. Создан по рассказам старожилов южных районов Красноярского края – охотников, золотоискателей, староверов, жителей отдаленных таежных деревень и заимок. Промысел соболя, кустарная добыча золота, тайны и неожиданные открытия, загадочные исчезновения людей тайги составляют канву этого увлекательного произведения, прочитав которое читатель узнает, насколько долгим бывает ожидание женщиной любимого мужчины; кто убил из-за пушнины возвращавшихся из тайги охотников; каковы были междоусобные отношения старателей тайных золотых приисков; и где находится золотая статуя Будды, исчезнувшая в горах со времен вольных кочевников?..

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Топилин В. С., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Двести лет спустя	6
1	6
2	12
3	21
4	23
5	27
6	29
7	35
8	46
9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Топилин

Тропа бабьих слез

© Топилин В.С., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Медленно идет караван. Тяжело поднимаются в гору выносливые лошади-монголки. Упрямо погоняют уставших иноходцев терпеливые всадники. Изнемогая от усталости, бредут по колено в снегу женщины. Слышны частые крики недовольных воинов. Не прекращается плач, стоны подвластных пленниц.

От ветра гудят невидимые вершины гор. Плотная стена лохматых снежинок забивает глаза. Холодный, пронизывающий ветер бьет в лицо идущим. Крутая тропа на невидимый перевал забирает последние силы людей.

Впереди, указывая дорогу, верхом на крепком скакуне едет старший лучник. За ним, привязанный накоротке, шумно дышит молодой, сильный мерин. На его спине тяжелый груз. Дальше, на некотором расстоянии, отстали еще три груженные золотом лошади. После них, связанные в одну цепь, шагают двадцать обреченных женщин. Сзади и сбоку их подгоняют четыре вольных кочевника.

Сквозь непрекращающийся плач пленниц слышны резкие окрики захватчиков. То и дело свистит плетка. Воины бьют женщин, подгоняя их вперед. Угасающий день торопит расстояние. До ночи надо преодолеть непокорный перевал. Но силы пленниц на исходе. Связанные воедино прочными путами, подгоняемые безжалостными воинами, женщины идут шесть дней.

Слезы и стоны женщин не имеют границ. Их горькие стенания об утрате Родины, навсегда потерянном доме, убитых кочевниками братьях, отцах, сынах, детях. Никогда им не видеть знакомых мест. К их губам не прикоснутся любимые губы мужей. Руки не почувствуют хрупкие тела детей. Никто больше не скажет доброго слова. Их будут любить силой. Подневольный плен навсегда разорвал связующую нить родственных уз.

Вот одна из женщин не выдержала, упала, не может встать. Другие пытаются ей помочь, но это плохо получается. Негодующий кочевник, разрезая воздух плеткой, бьет, не разбирая, всех, кто находится под лошадью. Крики, стоны, плач... Голоса женщин все сильнее, громче, дружнее.

Вдруг, где-то вверху раздался резкий, смертельный хлопок. Старший лучник испуганно кричит. Коренастый иноходец вьется под ним, выбирая путь к спасению. Воины в страхе мечутся по женским телам. Но поздно. Оглушительный грохот со скоростью мчащегося во весь опор скакуна приближается на обреченных путников. Безбрежная полоса непроглядной волны надвигается на них как ураган. Беспощадная снежная лавина движется немыслимой массой, сметая все на своем пути. Одно мгновение, и караван накрыла толстая плоть хладнокровной смерти.

Двести лет спустя

1

Шкурой снежного барса раскинулись рубчатые гольцы. Над заснеженными полями альпийских лугов чернеют каменные осыпи курумов¹, рваные пики преобладающих вершин, седые плешины продуваемых ветрами ягельников. Чуть ниже, на границе тайги, замерзли махровые колки мохнатых кедров. Из глубоких распадков к ним подступают матовые, в снегу, языки вековой тайги. С большого расстояния при движении глаз человека предлагает сознанию сказочные картины восприятия. Белые увалы пестрят пухом играющих куропаток. Серые плантации оленьего мха-ягеля волнуются табунком жирующих сокжоев². Туполобые, оскольчатые вершины напоминают притаившихся горных козлов. В визуальном измерении горный мир живо напоминает огромного, притаившегося кота, ирбиса, готового прыгнуть на добычу. Отдельный, средний белок рисует выгнутую спину зверя. Вон те далекие возвышенности – голова и уши зверя. А глубокий, вырезанный снежной лавиной лог-игривый хвост. Человеку кажется, еще мгновение – и огромный кот взорвется лопнувшей тетивой лука, прыгнет вперед, сомкнет острые клыки на добыче. В какой-то миг кажется, что блестят искры глаз, а на загривке зверя играет густая шерсть.

Остановился Егор, что за напасть? Неужели перед ним снежный барс? Он схватился за нож, присел, ожидая прыжка, но усталый голос напарника отрезвил, привел в сознание:

– Что, Егорка, опять мерещится?

Вздрогнул охотник, повернул голову, узнал Семена. Вспомнил, что идут они по охотничьей тропе за соболем. Вокруг них горы, лес, далекие и близкие гольцы, а глаза снежного барса – ранние, яркие звездочки между синими пиками. Нет никаких куропаток, оленей, круторогих архаров, есть дикий, безбрежный мир тайги. А видение – не что иное, как удручающая галлюцинация от однообразного, постоянного пейзажа и усталости.

Седьмой день охотники ночуют под деревьями. Январь трещит морозами. Глубокий снег холодит смертью. Ночь длинна, как след россомахи. День короток, как шерсть летнего сохатого. Приготовленных дров едва хватает до рассвета. От костра мало тепла: один бок греется, другой мерзнет, какой тут сон? Не сон, а глубокое забытие, в котором отдых, желаннее красивой женщины. Усталость накапливается с каждым часом. Однообразный мир тайги фокусирует реальность. Вот и чудятся человеку сказочные птицы-звери, да порхают перед глазами пестрые мотыльки да бабочки.

Очнулся Егор от кумара³, заткнул нож назад, в ножны. Сейчас бы лечь здесь, на снегу, да проспать много часов, пока сердце не успокоится. Но нельзя. Стоит расслабиться – уснешь навсегда. Сладкий покой скует мышцы тела в считанные минуты. За ним придет ласковая, добрая, незаметная, коварная смерть.

Собравшись с силами, Егор шагнул вперед. Легкие, таловые лыжи кажутся непослушными оглоблями. Ему хочется присесть под мерзлый кедр, развязать юксы⁴, снять ичиги, вытянуть занемевшие ноги, но надо идти дальше. День близится к вечеру. Слепое, желтое солнце

---

¹ Курумы (древнетюркское *gogum* – «каменистые россыпи», «нагромождения острых камней», «обломки скал») – скопления каменных остроугольных глыб, образующих местами труднопроходимый ландшафт.

² Сокжой – дикий северный олень.

³ Кумар – здесь: тяжелый полусон-полудрёма.

⁴ Юкса – лыжный ремень, петля для ноги на лыже.

заваливается за соседний хребет. Скоро ночь, а мужики не знают, где им предстоит ночевать. Не зная усталости, упрямые четки соболя ведут за собой охотников вот уже четвертый день.

Примелькались в глазах однообразные следы зверька. Вот аскыр⁵ большими прыжками перескочил через поляну, залез под снег в старую колодину, проверил кряжистый кедр, заглянул в россыпь, пошел мелким шагом перед утренней лункой глухаря. Кажется, нет конца бесконечному движению соболя.

Надо торопиться. Не дай бог, уйдет зверек за гребень перевала, а там обширные, километровые каменные осыпи. Залезет кот в курумы, как в таймень в воду скользнет, поминай как звали! Достать его оттуда не представится возможности, а значит, все труды охотников будут напрасны.

Однако нет, видит наметанный глаз промысловика перемены. С каждым часом аскыр идет все медленнее. Опытный соболятник улыбнется, сверкнет азартными глазами: отяжелел!.. Прыжки зверька стали короткие, ровные, прямые. Сразу видно, сытый, идет на лежку. Вероятно, остановится вон в той кедровой колке. Если это так, то надо быстрее шевелить ногами, засветло успеть расставить обмет.

И откуда только силы взялись? Пошли охотники быстрее, увереннее. Семен, на правах старшего, вышел вперед, лыжню пробивает. Сейчас важен опыт. Надо с первого раза определить, как лучше и быстрее зверька обложить, чтобы он не убежал, пока они будут сеть расставлять да дрова готовить. Иначе опять все труды насмарку.

А соболя четки – веление времени действительно тянутся в заросли деревьев. Вон, в стороне, припорошенные снегом, его старые следы. Понятно, что аскыр здесь был не раз, идет к себе домой.

Последние двести метров соболя бежал ровно, как по линейке. Его прыжки были короткие, тяжелые. Вероятно, сытый желудок сковывал движения: быстрее бы добраться до теплого, уютного гнезда, свернуться калачиком, да уснуть крепким, безмятежным сном. Перед входом в дупло соболя остановился, долго стоял на задних лапках, слушал тайгу, ожидая преследования. Последние две ночи для зверька были ужасны. Люди хотели его поймать, и только случай, ловкость и быстрота ног помогли избежать ему смерти. Убедившись, что он в безопасности, соболя неторопливо, мелкими шагами прошел к входу в нору и залез под теплые своды корневища.

Прочитав соболю летопись, Семен радостно выдохнул: здесь! Оба охотника быстро, но без лишней суеты взялись за дело. Разгребая таяком⁶ снег, Семен добрался до дупла и наглухо заткнул его своей шапкой, чтобы зверек не выскочил раньше времени. Ловко орудуя острым ножом, Егор рубил прутья для обмета. На постановку ловчей сети ушло не больше десяти минут. Когда сорокаметровый обмет полукругом занял свое место, охотники вернулись назад, к кедру, топорами ошкурили (сняли кору) дерево со всех сторон на высоту человеческого роста, чтобы соболя ночью не запрыгнул на дерево, и только после этого позаботились о себе.

Жаром знойного солнца пыхнула длинная нодья. Горячие языки пламени охватили смолистые наматы высохшего кедра. Без треска, отдавая равномерное тепло, с мягким шипением запел песню продолжения жизни верный друг людей тайги костер. Подхваченный ладонями огня, беспокойно зашумел закопченный котелок. Расплавленный в воду снег закипел проворным ручейком. Над полянкой потянулся духмяный запах свежесваренного чая.

Егор положил на котомку походный ужин: большие куски вареной оленины, промерзшие лепешки, разлил по кружкам чай. Расположившись на перевернутые лыжи, охотник долго смотрел в темноту за дерево, потом негромко позвал:

– Семен! Все готово, айда на трапезу!

---

⁵ Аскыр – самец соболя.

⁶ Таяк – плоская деревянная лопатка для разгребания снега.

– Иду! – был ответ старшего товарища. За этим донеслась тяжелая поступь широких, камусных лыж⁷ и, как объяснение своих действий – короткое дополнение: – Сейчас, колокольчики проверю...

На правах старшего товарища Семен третий раз проверяет обмет. Не доверяя Егору, опытный в очередной раз обошел расставленную за кедром полукругом сеть, ощупал кошелки, насторожил колокольчики, отоптал подозрительные кочки, срубил мелкие деревца. Но на этом не успокоился. Вернувшись к костру, присаживаясь подле костра, промысловик все еще недовольно бурчал себе под нос упреки:

– Нехорошее место... плотное. Деревьев много. Как пойдет соболь верхом, опять ложкой снег хлебать будем...

Егор молчит, одним ухом слушает наставника, другим караулит темноту, звонкие колокольчики. Хитрый аскыр может выскочить в любое мгновение, скрываясь за деревьями, неслышными прыжками заскочить на пихту, перепрыгнуть на соседнюю рябину, через обмет – и поминай как звали. Так было в первую ночь, когда Семен не срубил прогнувшийся в дугу куст черемухи. Надеялся промысловик, что зверек пойдет вниз, к россыпи. Однако, на удивление, соболь пошел наискось, влево, вдоль горы, через черемуху. О том, что зверек убежал еще в первой половине ночи, охотники узнали утром, когда рассвело. Ох и корил себя Семен за свое попустительство. «Стоило один раз махнуть топором, и соболь был в котомке!» – ворчал он весь последующий день. А вот после второй неудачной, пустой ночи досталось Егору! Не сбил молодой охотник со старого пня снежный гриб, думал, до обмета далеко, зверек не допрыгнет. Но хитрый соболь перескочил через сеть именно там, преодолев в прыжке под уклон около четырех метров. Семен ругал его отборными словами, считая виноватым. Егору ничего не оставалось, как, удивляясь прыти аскыра, молча слушать наставника. Таков уж характер у Егора, промолчит, когда на него ругаются, слова не скажет, все в себе сохранит. А Семен этим пользуется.

Второй сезон вместе ходят Семен Пономарев и Егор Подольский. Так уж получилось, что от интереса, молодой парень согласился идти в тайгу с опытным Семеном. Зимой работы по хозяйству не так много, что в окошко глаза пялить? Верная жена Наталья с надеждой смотрит в глаза: «Что же ты, Егорушка, сидьмя сидеть зимой без дела будешь? Сходил бы в гольцы, может, хоть одного соболя добудешь, так все кусок хлеба в дом!»

Пошел Егор с Семеном. Тот был очень рад случаю промышлять с таким напарником. У Егора характер добрый, покладистый, натура работающая. Что ни скажи, все делает безропотно. Мужики говорят, из таких пельмени лепить можно. Хорошие напарники в тайге на вес золота. А Семен пользуется этим, хоть и старше годами ненамного, но командует Егором, как может, ссылаясь на промысловый опыт. Егору еще невдомек, почему с Семеном в тайгу ходить никто из мужиков не хочет.

Плотный, сытный ужин длился долго: куда торопиться? Ночь длинная, как бесконечная лыжня. Соболю обметан, главное, вовремя услышать мягкий перезвон колокольчиков.

Семен неторопливо жует мясо, с шумом хлюпает чай, косо смотрит на Егора. Молодой напарник, наоборот, не пережевывая пищу, быстро глотает поджаренные лепешки, тут же сует в рот оленину, не замечая взгляды старшего, допивает вторую кружку терпкого купца. Молодые годы требуют силы. Тяжелый день в постоянном движении забрал энергию, высушил мышцы, притупил разум. Горячее желание утолить голод притупило чувство холода и тепла. Егор не замечает, как мерзнет поясница, а от близкого огня потрескивают волосы на лбу. Семен сочувствующе отодвигает ногой огонь в сторону, усмехнулся в бороду:

– Ну, парень, ты и притомился сегодня! Горишь ведь, и не чуешь!...

---

⁷ Камусные лыжи (камуски) – называются так потому, что с нижней, ходовой стороны они подбиты или подклеены камусом – шкуркой, снятой с ног (с голени) северного оленя, лося или лошади.

Егор слепо посмотрел на старшего, отодвинулся дальше от костра, тяжело соображая от усталости, что творится вокруг. Росомаший аппетит принес быстрое насыщение. Сытый желудок требовал отдыха. Сейчас бы уснуть хоть на несколько часов. А остальное, гори синим пламенем!

Семен понимающе покачал головой, указал на колотые на снегу у костра нары:

– Давай, парень, ложись. До полуночи я караулить буду, а потом ты. Сможешь ли?

За полночь не спать – всегда тяжелее, это понятно. Однако, соглашаясь, Егор молча кивнул головой: смогу! Лишь бы сейчас уснуть, а потом будь что будет. Отвалившись на колотье, молодой охотник повернулся спиной к нодье⁸, прикрыл колени кухлянкой, положил голову на котомку и тут же уснул, как в яму провалился.

Семен тяжело поднялся, сделал шаг, накрыл молодого товарища своей курткой, – пусть спит, сам такой был, – вернулся назад, налил в кружку чай и зябко передернул плечами. Холодно, да что поделать? Спящему одежда сейчас важнее. Самому можно у костра и так коротать.

Прилег Егор на доски, еще голову не положил, в пропасть упал. Полетел в черную яму, нет сил остановиться, за что-то зацепиться. Холодное равнодушие сковало сознание, будь что будет! Лишь бы телу было легко, приятно, никто не трогал. А бесконечный полет, благодать парящей души. Кажется, Егору, что так хорошо ему в жизни не было никогда.

Долго ли, коротко так было, в голове стало что-то проясняться, радужные, разноцветные полосы заматались. Потом, как из тумана, стали вырисовываться отчетливые картины прошедшего дня. Вокруг горы, тайга, скалы, снег. Все это плавает, раскачивается из стороны в сторону. Он идет на лыжах по целику, а фокус зрения не может точно поймать картинку ясного изображения. Вот и носки камусных лыж из-под снега выскакивают, то правая, то левая. Равномерно так, с хрустом сухого снега, будто купец мерой пшено отсыпает. Егор сует купцу под нос обмороженный кулак: смотри, не обмани! А это и не купец вовсе, баба какая-то, вся в белом, негромко, но ласково зовет: «Пойдем, Егорушка, со мной! У нас хорошо!» Хочет Егор узнать, где это хорошо, да не может слова сказать, горло горчицей перехватило. А от женщины веет благодатью, добротой, нежностью: так хорошо на душе, будто на проталине подснежник увидел. Пошел Егор за бабой, дорога все в гору. Лыжи тяжелые. Да и не лыжи это, а еловые, сырые сутунки к ичигам привязаны, сил хватает ноги переставить. Несмотря на это, идет он быстро, белая женщина едва успевает дорогу показывать. Вокруг гольцы, хребты, тайга незнакомая, распадки, ни одной ровной полянки, все круче и круче. Хочет Егор остановить бабу: «Давай остановимся, отдохнем!» А та тихо смеется: «Что отдыхать-то? Пришли уж!..»

Глянул Егор по сторонам, увидел: да, точно, пришли! Перед ним на заснеженном поле горит жаркий костер, а вокруг него женщины хоровод водят, песни поют. Мягкие напевы сердце ласкают, душу теплым, медовым соком обливают. Каждая на него мягко смотрит, глазами приглашает: «Становись Егорушка к нам в круг! Нам здесь очень хорошо!» Шагнул Егор в женский круг, взял за холодные ладони, пошел направо, запел одну, незнакомую песню, но, к своему удивлению, признал, что хорошо слова знает. Прошел круг вправо – бабы его назад потянули, другую песню завели, более ласковую. И опять он слова знает, поет вместе с ним, однако своих слов разобрать не может.

Сколько так Егор с бабами ходил, не помнит. Да только вдруг захотелось ему к костру руками прикоснуться. Высвободился охотник от женских рук, протянул вперед ладони к огню... а не огонь это. Перед ним статуя стоит! Точно такая, как в легенде: вся из золота отлита!.. Сидит на ногах, высотой вполовину человеческого роста, глаза холодные и пустые, руки перед грудью ладонками слепились, голова гордо поднята, лицо строгое, грустное, вперед смотрит. Так это же тот самый, буддийский Бог!..

---

⁸ Нодья – таежный долго- и сильногорящий костер, сложенный из бревен.

Протянул Егор к нему руки: «Что же ты грустишь, Бог?» «Как же мне не грустить-то? – отвечает тот. – Лежу я в темноте да холоде. Немыслимая кладезь надо мной, как могила. А мне хочется видеть белый свет, людей! Ты мне в этом поможешь!» И засмеялся чистым, детским смехом.

Испугался Егор, страшно ему стало. Помнит охотник наказы бывалых промысловиков, худые наветы, предупреждения: кто золотую статую видел, того беда не обойдет.

Хотел Егор убежать, да лыжи к снегу примерзли, ледяной корочкой покрылись. Сзади, за спиной, белые бабы, послушницы буддийского Бога, руки сцепили, не пускают из круга. А золотая статуя руки к нему тянет и смеется, заливаясь веселым, колокольным смехом. Закрутился Егор на месте, присел на корточки, хотел юксы на лыжах развязать, ноги от пут освободить, да случайно прикоснулся запястьем руки о ноги золотого Бога.

Колкая, жгучая боль разбудила охотника. Егор подскочил на досках, не может понять, где он, что происходит. Вокруг могильная ночь, в черном небе рассыпалась соль ярких звезд. Жаркая нодья в расцвете сил, гудит жарким пламенем. Вокруг стоянки сгрудились косые, одетые в бальные платья деревья: кто такие, что вам здесь надо? За костром на перевернутых лыжах сгорбился мешок. В воздухе веселится паленый запах, будто на собаке шерсть горит.

Поднес Егор больную руку – ожог. Пока спал, спонтанно окинул руку в сторону, да на горячие языки пламени. Понял охотник, где он, что с ним, узнал в сутулом мешке сгорбленную фигуру Семена. Не усидел старший товарищ положенного времени, уснул у костра от усталости и не чувствует, как плавится, горит на голове мохнатая, росомашья шапка.

Подскочил Егор на ноги, бросился на помощь старшему другу, затушил шапку, стал тормошить, будить, да все без толку. Спит Семен святым сном праведника, храпит открытым ртом, только борода трясется. Умаялся за тяжелые дни мужик, будить бесполезно. Завалил Егор Семена набок, на лыжи, подложил под голову тощую котомку, накрыл своей курткой. А в голове куражный сон так и не проходит. Грезится Егору золотой Бог, все заливается тихим, колокольным звоном.

Бросил Егор на лицо охапку холодного снега, наконец-то встрепенулся от дремы, прогнал прочь суровую напасть. Да только отступают золотые переливы, в ушах ручеек булькает. И вдруг Егор дрогнул телом, вконец пришел в себя, повернулся прыжком к непроглядной темени: обмет! Соболь!..

Взорвался Егор, как глухарь из лунки! В мгновение ока лыжи перед собой бросил, ноги в юксы пихнул, левой рукой лямки затягивает, правой факел схватил, бересты на огонь бросил. Закрепились ичиги на камусах, ярко пыхнул огонь, отбрасывая в глубь тайги пропитанный смолой свет. Егор уже на ногах, скользнул на лыжах на колокольные переливы: только бы не выпутался! Лишь бы успеть!..

Пока бежал Егор на колокольчики, два раза споткнулся о кочки, ткнулся носом в снег, да выдержал палку на вытянутой руке. Горит факел, далеко разбивая ночь. А вон там, под выворотнем⁹, бьется, мечется, запутавшись в сплетенную мотню, черный клубок. Урчит озлобленный соболь, пытаясь освободиться из прочной путанки¹⁰ на волю. Однако охотник оказался быстрее! Набросился Егор на аскыра коршуном, накинул на зверьку холщовую мешковину, замотал драгоценную добычу в мешок, опутал со всех сторон плотными узлами: поймал!.. Теперь не вырвется!

Бьется в молодой груди горячее сердце. Радость удачи сушит горло, жжет пчелиным ядом щеки. Назад к костру Егор шагал медленно, с каждым шагом переживая триумф долгожданной победы. Вот он, дорогой, труднодоступный, желанный соболь в его руках! Небольшой, охри-

---

⁹ Выворотень – вырванное с корнем ураганом или бурей дерево.

¹⁰ Путанка – силек, веревочная ловушка для соболя, куницы или горностая.

стый, под цвет коры молодого кедра хищный зверек. Итог долгих ночевок у костра, километры трудных переходов по морозной тайге, потраченные силы, комковатая воля, липкое упорство!

Эх, поделиться бы сейчас пережитыми впечатлениями минутной борьбы, да не с кем. Спит Семен, свернувшись рыжим колонком на своих лыжах, ничего не слышит, храпит мордовскими напевами, как старый мерин в пригоне. Хотел Егор разбудить товарища, осчастливить доброй вестью, да пожалел. Отдыхай, Семен, набирайся сил! Долгая ночь не скажет, что знает утро.

Присел Егор на свое место, уложил соболя в котомку, до утра, подживил огонь. Дело сделано, можно и самому спать лечь, да не спится. Разве можно спать с такой добычей? Да и мысли разные в голову лезут. Как некстати, с памятью вернулся недавний сон. Махнуть бы на него рукой, да нельзя. Нечасто охотники в тайге со снежными бабами хоровод водят. К чему бы это все?

Поставил Егор на костер чайник, стал смотреть в огонь, объясняя видение. Вспомнил охотник свою бабушку, ее наветы, потемнел душой. Золото – зло; гора – горе; снег да лед – к долгой, вечной разлуке... не к добру все это. Если так, то не стоит говорить кому-то о сне, может, пронесет.

Посмотрел Егор по сторонам, перекрестился, бросил от себя щепоть навета: «Куда ночь – туда и сон!»

2

Большое охотничье зимовье залито полумраком. Маленькое оконце слепо пробивает тусклый, дневной свет. Толстые накаты стен дышат высохшей смолой. От каменки веет каленым теплом. На широких нарах, от стены до стены – комковатые тела спящих людей. Тяжелое дыхание перемешивается с тонким свистом. Кто-то храпит, другой бурчит себе под нос, но никто не замечает этого: уставшие охотники в глубоком забытье после трудного промысла. Многодневные ночевки у костра измотали людей. Никто не слышит соседа, лишь бы самому выспаться, да набраться сил.

Тяжелый воздух напитан стойким запахом пота, грязной одежды, табаком и неповторимым, триумфальным наветом соболей. Прошедший сезон оказался удачным. Каждый охотник прячет под своей головой, в котомке, три-четыре заветные шкурки, хотя не говорит о добыче никому. Не принято у людей тайги раньше времени раскрывать секреты фарта. Суеверные промысловики молчат о своем хлебе насущном, опасаясь спугнуть удачу.

Время бежит быстро. День меняет вечер, за ним пролетает ночь, растекается утро, растворяющееся в теплый, мартовский бал. Но никто из мужиков не замечает триумфального шествия весны. По неписаному закону тайги, собираясь вместе перед выходом домой, охотники пребывают в ностальгическом забытье. После долгих ночевки у костра, простая избушка кажется теремом, деревянные нары – пуховой периной, а мягкий хлеб – птичьим молоком.

Отдыхая вволю, набираясь сил, спят мужики. Однако каждый из них все еще тропит соболий след, шагает на лыжах, вершит перевалы, рубит деревья, радуется и переживает, добывая соболя во сне. Кто-то дрыгает ногами, изображая движение на широких камусах. Другой, тяжело и шумно дышит, поднимаясь в гору. Третий ругается на напарника за то, что тот по какой-то причине упустил заветную добычу. Четвертый резко вскрикивает, провалившись в холодную купель речной отпарины¹¹. Молодые мужики более импульсивны, чаще других предаются эмоциям, вскрикивают, ворочаются. Более опытные соболятники степенны, спонтанно, настойчиво отталкивают молодежь с лучших мест, подгребают под себя чужие куртки, вжимают молодежь в стены, и даже сталкивают с нар на пол. Обиженный просыпается, вскакивает, возмущенно тормозит конкурента, но поздно, тот уже важно развалился на спине, занимая два места, храпит и не слышит. Какое-то время, пытаясь вернуть теплую постель, малой прыгает вокруг, но, так и не добившись своего, лезет под нары: место занято, а спать хочется...

Хитрый дедушка Тит Нилович Трапезников поступает просто. По какой-то причине, лишившись своего места, старый таежник знает много способов, как выкурить конкурента с теплой лежанки. Он может случайно приоткрыть дверь, пусть мерзнут! Кто-то не выдержит, встанет, ругаясь, а нары заняты дедом. В другой раз, Тит Нилович жировик в печь поставит, будто огонь горит. Просыпаются мужики, смотрят, печь топится, сейчас тепло будет. Однако, наоборот, в зимовье все холоднее. Самый теплолюбивый, наконец-то, подскочит за дровами, а дед уже на нарах стреляным глухарем развалился, с места не сдвинешь. Можно еще, наоборот, в избушке так каменку натопить, что все куртки да спальники откидывают. А дедушка рад, набрал одежды – и под нары! В хорошем спальнике под одеялом можно спать и на голой земле!

Сегодня не спится пожилому Титу. То и дело, встает старый охотник, присаживается у печки, сворачивая самокрутку. Чувствует дед, что, возможно, последний год в тайгу ходил. Слишком уж тяжело стали даваться крутые перевалы, ноги не могут передвигать легкие, таловые лыжи, а ночи у костра стали невыносимо длинны и тяжелы. Каждый год говорит Тит, что в следующий сезон на зимовку за сободем не пойдет. Однако охота пуще неволи. Семьдесят

¹¹ Отпарина – промоина, полынья во льду реки.

семь лет дедушке Трапезникову, сам не помнит, какой сезон промышляет, а все равно ноги на хребты смотрят.

Сидит Тит Нилович на чурке перед печкой, неторопливо, бережно смолит самокрутку, ждет, когда закипит чайник. Каменная печь тонко поет свою веселую песню. На плите недовольно трещит закопченный чайник, закипает вода. За окном на улице над низким перевалом играет лучами долгое, веселое солнце. В приоткрытую дверь веет свежестью подтаявшего снега. Где-то далеко, за рекой, скрипит кедровка. На плоском хребте празднично долбит сухое дерево большой черный дятел-желна. Тайга благоухает оттаявшей смолой хвойных деревьев. Протаявший пережат булькает живой водой. Навет изменившихся звуков и запахов наполняет душу старого охотника светлыми красками бытия: весна! В добавление к этому сердце охотника заполнено радостью возвращения: завтра домой! Два зимних месяца соболяго промысла всегда порождают ностальгическую тоску по родным и близким: как там, все ли хорошо?..

Испил Тит Нилович бодряку купель крепкого чая, прибодрился, ожил. Как в далекой молодости, захотелось старому охотнику движения, общения, торжественной суеты:

– Что лежите, как тюлени? Солнце вон садится, на улице подмораживает. Снег коркой-настом взялся, пора выходить!

Первым голову приподнял Васька Тулин. Сонно простреливая заспанными глазами светлое окно, охотник недовольно завалил скатавшиеся волосы пятерней на затылок, долго чесал грязную, давно не стриженную бороду и только после этого ответил глухим басом:

– Что, старый, не спится? На дворе день-деньской, отдыхать надо, а ты людей почему зря тормошишь! Что, не набегался по тайге за зиму? К бабке торопишься? Все равно тебе на старости лет ничего не причитается!

– Ну и што? Я свое отгулял, а тебе, за собой надо смотреть: женато, молодая, глядишь, не дождет с тайги, – прищурил глаза Тит Нилович и закашлял в кулак, – куда-то тогда шкурки девать будешь?

– На то не твое дело... других, вон, баб много, только свистну!.. – недовольно ответил Васька и встал с нар. – Раз такое дело, наливай чай!

Тит Нилович проворно подал Ваське кружку и уже по-дружески, располагая собеседника к разговору, спросил о другом:

– А что, под Фигуристыми белками соболишко-то держится?..

Понемногу разговорились. Старый охотник все выспрашивал молодого о знакомых местах, где он когда-то промышлял соболя, но по причине своих лет и далекого расстояния отказался от дальних переходов. Ходит Тит Нилович здесь, неподалеку, рядом с домом, «куда пуля долетит». Однако все равно, забираясь на высокий перевал, с тоской смотрит на далекие гольцы, где остались его живые, молодые годы. Девять дней тащить за собой нарты с грузом под Фигуристые белки. Нет, не дойти теперь туда старому охотнику, как не вернуть молодость.

Скупой на слова Васька Тулин, мало, что расскажет про тайгу. Однако на вопросы деда разговорился, отвечает, хотя с расстановкой, обдумывая каждое слово. Шутка ли, в переходном зимовье четырнадцать человек, двадцать восемь ушей. Может, кто-то и спит, а другой, притаившись, слушает. Не дай бог лишнее сказать, тайну какую-то! Потом локти кусать будешь...

Постепенно нары ожили. Зашевелились комковатые мешки, мужики поднимали головы, друг за другом вставали, выходили на улицу. Тихий, теплый вечер звал охотников в дорогу. До первой таежной деревни идти несколько часов. Однако днем не пойдешь: теплое солнце начинает припекать, мокрый снег липнет на лыжи, идти невозможно. Приходится охотникам передвигаться ночью, по насту, а днем спать в избушках, ожидая ночной прохлады. В такие дни, возвращаясь домой, выбираясь из тайги по притокам к Большой реке, на переходных избах могут встретиться до десяти пар промысловиков. Где уж тут расположиться всем на

одних нарах? Приходится хитрому дедушке Трапезникову сыпать на печку перец да поскорее, пока остальные чихают и кашляют, занимать уютное место в углу зимовья.

Наконец-то все встали, высвобождаясь из тесного плена зимовья, вышли на улицу. К бирюзовому небу взметнулся большой костер. По округе поплыл манящий запах разогретой еды. В котелках закипел незатейливый ужин. Общая масса охотников разбилась на пары, кто с кем ходит в тайгу, с тем и еду делить от начала до конца. Так заведено у промысловиков: с кем тянешь лямку, с тем и сухарь пополам! Однако делиться не забывай с просящим! Может статься, так сам завтра просить будешь.

Тит Нилович, на правах уважаемого возраста, с ровесником Михаилом Ивановичем Котовым в избушке за столом трапезничают. Братья Сторожевы, из Тюхтят, в сенях на лыжах стол накрыли. Добрынин Иван, Мальцев Гришка да Тулин Иван, сваты между собой, тоже свои котомки развязали у костра. Семен Пономарев с Егоркой Подольским особняком, на чурке, за костром пищу принимают. Где-то в избушке, у оконца, Просвирины, отец с сыном ужинают. В углу зимовья староверы братья Мурзины Михаил и Федор притихли, не дай бог кто на них табаком дыхнет либо к чашке притронется.

Ужинают охотники, не спешат, есть еще время до темноты. Надо подождать, когда наст подмерзнет, чтобы лучше идти было, не проваливаясь. Кто-то из мужиков редкие шутки да прибаутки отпускает, в основном деда Тита на старости лет потчуют, помнят, что трубу закрыл, всех из зимовья выкурил, а сам на царское место прилег, у теплой стены. Дедушка Трапезников на реплики не обращает внимания: «Эх, что там?! Тешьтесь, ребятки, над старым. Потом будет что вспомнить! В этом году последний раз на промысел выходил!...» Мужики наперебой возмущаются: «Ты, старый, об этом еще двадцать лет назад говорить начал, однако с тех пор уже третью пару лыж дохаживаешь! Нам всю кровь выпил, спать не даешь!...»

В словесной перебранке нет злобы. Каждый из промысловиков уважает Тита Ниловича, прощая ему все чудачества, как своего отца. Каждый знает, что пройдут годы, сам таким будешь. А что слова, так это все шутка, есть с кем пообщаться после долгих дней одиночества. К дедушке Трапезникову привыкли, как к горному воздуху, без которого нельзя дышать. И никто не может представить, как все будет, если на будущий сезон с ними не будет Тита Ниловича.

Вот и ужин на исходе, мужики по последней кружке чая пузыряют, в оконце да на солнце поглядывают: пора в дорогу собираться. У всех настроение поднялось, вместе, гуртом, идти веселее. Всегда так ходят соболевщики при заходе в тайгу и обратно. Однажды сговорившись, выходят из дома все разом, ранним утром, постепенно разбредаясь по рекам и распадкам. Назад, в деревню, возвращаются так же, к означенному дню собираясь в переходном зимовье. Понятно, что так легче попеременно лыжню топтать, в критическую минуту помочь друг другу, да и безопаснее. В памяти промысловиков остро живы воспоминания, когда худые люди убивали охотников из-за соболей...

Собравшись в путь, мужики присели на дорожку, кто перекурить, другие, приметку подтвердить. В молчании вдруг все приподняли головы, прислушались, не показалось ли? На реке, за поворотом, послышался тяжелый шорох. Шаги! Переглянулись между собой охотники: зверь или человек? А может, лед провалился, наледь поверх наста пошла?

Нет, не наледь весной питается. Чуть позже, повторилась тяжелая поступь, идет кто-то, теперь уже явно, не зверь. Молодая корка под грузным телом наждачной бумагой шуршит, олень да сохатый так не ходят. А звук ни с чем не спутаешь: человек на лыжах шагает!

Стали гадать промышленники, кто бы это мог быть? Ясно, что кто-то из соболятников домой возвращается. Но кто, так и не могут представить.

– Может, Стрельниковы, из Тюхтят? – почесал затылок Васька Тулин. – Так нет же, они еще доселе, в конце февраля вышли...

– А не Скотниковы ли, из Бугуртака? – козыряет ладонью лоб Тит Нилович. – Да вряд ли тоже. Скотниковы, отец с сыном, по Поперечке ходили, след был, тоже домой ушли...

Ответ napросился сам собой. Из-за поворота показались две плотные, сбитые, бородатые фигуры. Первый человек тянул лямки с гружеными нартами. Второй, сзади, на лыжах, подталкивал тяжелый груз оглоблей, помогая напарнику. До зимовья от поворота расстояние полета пули, но все, кто сейчас был здесь, узнали путников. Однако это не вызвало должной радости от встречи в тайге, как это бывает, когда люди долго не видятся. Многие из присутствующих нахмурили брови, сурово переглянулись, стали молча собирать котомки. Было видно, что кто-то не желает встречи с охотниками, поэтому старается избежать приветственных речей.

Дегтярев Матвей – потомственный охотник из знаменитого рода Дегтяревых. Со времен Столыпинской реформы, освободившись от кабального помещичьего гнета, влившись в ряды переселенцев, в поисках лучшей жизни потянулись Дегтяревы в далекую, суровую Сибирь. Трудными оказались первые годы на новой земле. Наспех срубленные поздней осенью землянки, теснота, холод, голод, долгая зима, глубокий снег унесли жизни многих людей. Поредела и семья Дегтяревых. Однако переселение не было напрасным. Уже первая весна вольной рукой мудрой матушки Природы определила превосходство задуманного. Богатые плодородные земли, тайга-кормилица удивили людей своей необычайной щедростью. Посеянной ржи хватило на зиму. Мясо, рыба, несоизмеримый урожай кедрового ореха навсегда прогнали голод. Новые, построенные из ядреных накатов кедра дома вселили тепло и уют. Промысел пушного зверя принес достаток. За несколько лет, освоившись на новых землях, Дегтяревы, как и десятки других семей-переселенцев, стали жить праведной жизнью тружеников: не ленись, работай, и ты будешь сыт и одет!

Основным промыслом жителей глухих, таежных деревень всегда считалась добыча соболя. Бесконечная тайга, высокие хребты, голубые перевалы, мраморные гольцы были исконной вотчиной обитания дорогого зверька. За полосатую, шоколадную шкурку купцы не жалели денег. Мудрая пословица – день год кормит! – оправдывала себя устами младенца. Занимаясь охотой на соболя полтора-два месяца, охотники безбедно жили оставшееся время года. На том и крепился образ жизни Дегтяревых.

Проверенный способ добычи аскыра – ловчая сеть, или обмет, – всегда считался главным, едва ли не единственным. Промышляя по старинке, дедовским уроком, охотники не желали менять процесс охоты. Однако Матвей Дегтярев изменил опыту. Однажды побывав в уездном городе, он увидел небывалое чудо промышленности, железный капкан. Купец Колыванов, скупивший у Матвея соболей, рассказал, как работает «железная собака», рассказал о способах охоты зауральских промышленников, предложил купить несколько самоловов. Пребывая в изрядном веселье, опытный охотник согласился на сделку, приобрел чудный механизм. Позже, отрезвев, Матвей корил себя за потраченные деньги, – лучше бы жене купил цветной платок! – но поздно. Зимой охотник все же решил испытать обнову на собольей тропе, и был немало удивлен! Результат превзошел все ожидания и надежды. За короткий период времени, без особых усилий, Матвей один поймал четырех соболей, в то время как другие охотники, с обметом, вдвоем добыли по два-три аскыра.

Небывалая удача, что бельмо в глазу, хочешь, чтобы никто не видел, да спрятать не удастся. Стали к рукам Матвея деньги прилипать, в доме роскошь появилась, на подворье хозяйство увеличилось. Первое время в кругу охотничьей братии проявилось уважение к фартовому промысловнику, которое быстро переросло в бородавчатую жабу. Не любят люди тайги, чтобы кто-то в их окружении жил богаче. Коварная зависть переросла в недовольство, отчуждение, в итоге, в ненависть. Волчий закон общества – будь таким, как мы, промышляй, как мы! – превзошел границы противостояния. Стал Матвей Дегтярев изгоем: мало кто из бывших друзей руку при встрече подает, да разговаривает. Измениться бы Матвею, бросить капканы, вернуться к обмету, да возросший уровень жизни породил спрос: не хочет Матвей больше с

мужиками под гармошку плясать, подавай граммофон! А люди в поселке, и того тошнее. Бабы между собой шушукаться стали: «Матвей по соболям мужиков облавливает... нашим меньше достается!» А злой слух, что бурная река весной, со временем любой неприступный берег подмывает.

Возвращается Матвей Дегтярев домой, за лямку нарты тащит. Не шутка, очередной охотничий сезон закончился удачно! Сзади, тяжелую поклажу напарник Иван Лукин оглоблей подталкивает. Тяжелые нарты, мясом, рыбой да соболями плотный снег полозьями давят. Полмарала, центнер мороженого хариуса на нартах заметно тормозят передвижение. Да только что мужикам груз? Своя ноша не тянет. К тому же двенадцать соболей душу охотников греют: не зря сезон отошел! От этих шкурок хватит граммофон с трубой купить, еще одного коня, жене пальто модное, дети босиком бегать не будут. По шесть соболей на каждого по настоящим временам – дело не шуточное! Если учесть, что любой другой промысловик за сезон по две шкурки из тайги приносит, Матвея и Ивана можно считать богачами.

Вышли охотники из-за поворота к переходному зимовью, увидели дым, быстрее пошли. В тайге с людьми повстречаться – большое событие. Наскучались мужики по общению, языки чешутся, хочется о себе рассказать, да других обо всем расспросить, что да как. Однако видно, что им не рады... Узнали временные постояльцы избы своих конкурентов...

Васька Тулин с Гришкой Мальцевым зубами скрипят: идут! Иван Добрынин зло газами стреляет, на них покрикивает:

– Что копаетесь? Выходить пора!..

Братья Сторожевы из Тюхтят нервно котомки увязывают, тоже торопятся. Семен Понамарев на Егора Подольского недобро смотрит, как тот кружку чая ласкает. Тит Нилович встал, подбоченясь, смотрит навстречу идущим:

– Этить!.. Глякося, как хорошо лыжи передвигают! В силе мужики, ноги не поизбиты!..

– Что им, ноги по косогорам бить? – глухо отозвался Добрынин Иван. – С капканами-то, что не промышлять? День подрезал, ночь на избе спи, у костра не мыкайся...

– Этить!.. А что тебе мешает? – востроенный дедушка Трапезников. – И ты с капканами промышляй!

– Кабы были...

– Купи! Вон, на соболях-то, можно сколько-то приобрести, на будущий сезон окупятся!

– Ишь, приобрести... а на кой шиш я семью кормить буду?! – раскалился печкой Иван.

– Меньше в горло заливай, и как раз на капканы хватит! – не унывает Тит Нилович.

– Да уж, если все с капканами промышлять будут, где же столько соболей на всех взять?! – огрызается Добрынин. – Скоро и так всех выдавим.

– Этить! На твой век, Ванька, хватит. Ноги длинные, подальше ходить будешь, к монгольским перевалам. Говорят, там соболя еще много!

– Ишь, мне... учитель нашелся... – шипит змеей Ванька, – куда ходить, да как ходить... без тебя знаю, что да как!

К этому времени Дегтярев и Лукин подтащили нарты, перебранка закончилась. Вновь прибывшие громко поздоровались со всеми, заговорили. Кто-то ответно кивнул головой, другие отвернулись. Тит Нилович поочередно протянул охотникам руку, за ним Егорка Подольский, потом нехотя Семен Понамарев. Другие постарались избежать необходимого этикета.

Дедушка Трапезников живо пригласил мужиков к столу, налил чаю, стал расспрашивать, как прошел промысел. Матвей Дегтярев охотно, живо заговорил о своих приключениях, нарочито уклоняясь от ответа о числе добытых шкурок: не время, да и не место. Однако по веселому голосу, настроению да суете всем понятно, что Матвей с Иваном идут с «богатым грузом». А что о соболях, так потом, к Пасхе, все и так будет известно, кто и сколько добыл: бабы расскажут...

Пока суд да дело, опустело переходное зимовье. Кажется, вот недавно была толпа народа, штабелем в избушке на нарах спали, не протолкнуться. А тут, на тебе, охотники молча друг за другом ушли вниз по реке Хазыр-суг, ближе к дому. За столом, у печурки остались пять человек, во главе с дедушкой Трапезниковым, старым охотником.

Матвей Дегтярев насупил брови, шумно выдохнул махоркой:

– А ведь недолюбливают нас мужички-то...

– Да уж, нашла коса на камень, – в тон ему подтвердил старожил.

– И что кому худого сделал? – почесал затылок Матвей.

– Этить, однакось, из-за капканьев... – навел мысль Тит Нилович.

– Так я что, кому запрещаю? Пусть и другие, как я, промышляют, никому не запрещено. Капканы, вон они, свободно в городе продаются.

– Все это так, – крикнул гусем Тит Нилович, – однакось люди привыкли по старинке соболя ловить, с обметом. Другого способа не допускают...

– И что, по старинке? – удивился Матвей. – Времена меняются, другая жизнь наступает. Да оно и видно, что хорошая жизнь в тайгу идет! Вон, возьми, музыка какая есть: раньше только в присядку под меха плясали. А теперь... сама играет, а из трубы поет!..

– Ан нет! – приосанился Тит Нилович. – Музыка, может, и меняется, да люди старые остаются, со своими характерами да верой. Чтобы по-новому жить, надо время выждать, чтобы все разом поняли, что и промышлять надо по-другому. Один глухарь на току всех капалух¹² не перетопчет! Этить, завсегда так было, еще и тятя мой говорил. А он-то, Нил Иваныч... Царствие Небесное, – перекрестился, – с давних лет промышленником был, и многое на своем веку повидал. Мы ить еще до вашего рода сюда пришли. Мой прадед от Катерины в Сибирь сбежал за дела вольные, ну, тут и обрусели. Так вот отец рассказывал, еще мальцом был, с дедом ходил за соболем, такоже, смутные времена были. Раньше охотники кулемками¹³ промышляли, другого способа не знали. А вдруг, вот как у тебя с капканами, новость пришла: обмет! Что за чертовщина? В кулемку как соболя ловится? Когда голод гонит. А с обметом полная гарантия. Ну, этить, сегодня убежит, так ты завтра его по следу все равно догонишь, да в котомку положишь. Так вот, я про то хочу сказать. И тогда промышленники обмет признавать не хотели, по старинке, кулемами охотились. А тех, кто сеточкой заправлял, бывало, в тайге хоронили... Зависть, она, паря, со злом в обнимку ходит. Таежный человек темный, забитый, своей вере да опыту предан беспощадно. Пока до всех дошло, что обмет, дело правильное, много мужиков по тайге пропало...

– Не пугай, Тит Нилович, – усмехнулся Матвей, – я тоже не лыком шит. Да и род мой знаменит да уважаем: все меня знают в округе! А что капканами промышляю, воля каждого, никому не запрещено...

– Этить, оно, может, и так... – задумчиво ответил старожил, – да вот я опять же про ту зависть глаголю: не пришло еще время «железной собакой» управлять... подождал бы ты, паря, чуток, год-два... а потом, глядишь, все и исправится...

– Вот еще! – Матвей хлопнул себя по колену, покраснел лицом. – Некогда мне ждать. Вон, сын большой, хочу на учебу определить. А где денег взять? За пару соболей только брюхо набить можно. А когда в котомке мягко, – хитро улыбнулся, – то и на душе весело! – и подмигнул Ивану Лукину.

Тот ответно засмеялся. Тит Нилович хмуро посмотрел на обоих, но больше ничего не сказал. На том разговор был окончен.

¹² Капалуха – самка глухаря.

¹³ Кулёмка (кулёма) – ловушка давящего типа, применяемая в Сибири и на Дальнем Востоке на звериных промыслах. Принцип действия основан на убивании или ловле зверя каким-либо давящим предметом (порог, тяжелое бревно, ставня, давок).

На Масленицу в таежном поселке двойной праздник! Оживление кипит во всех дворах: мужики из тайги вышли! Такое бывает только раз в году, когда после очередного промыслового сезона все соболятники вместе собираются. По старой традиции, с раннего утра до позднего вечера, неделю и больше в домах шум и суета, неугомонное застолье, гармошка надрывается, сапоги яловые из пола каблуками щепу выколачивают, слух режут отборные частушки, да разговоры на одну тему: кто и где ходил за пушным зверем, как прошла охота, да каков результат.

Бражничают соболятники после тяжелого, долгого промысла. Так уж заведено с давних времен, после выхода из тайги мужик должен стряхнуть с себя пепел костра после долгих ночевок; раздробить зыбкую немоту сибирского холода душевным общением; насладиться истосковавшееся сердце любовью с родными и близкими; притупить зачерстневшую боль и усталость от физического перенапряжения; растопить солоделый воск загустевшей крови; покаяться в возможных грехах под чарку сладкого меда.

В такие дни в домах охотников нет границ и запоров. Гостеприимна и щедра закованная душа соболятника от хмельной кружки – заходи в гости всяк, кто хочет! Будь ты настоящий мужик, или знакомая женщина, распахивай дверь настежь без стука, садись за стол рядом, отведай купель чудесного напитка, поддержи разговор, расскажи о своем. Если пришел с добром и миром, всегда желанный гость. А ну, как недоброе слово поперек, дело до мордобоя запросто дойти может. Крепок кулак, жилиста, тяжела рука соболятника, как праведное слово: сказал – сделал! Попросил – получи! В отношении гостеприимства разговор особый. Бывает, соберется в доме весь поселок, присесть негде, лавок не хватает. Хозяин доволен: ошастливили вниманием, уважают! Жена рада: муж дома, нигде не бродит. Да только застолье длится недолго, покуда в лагуне хмельная бражка плещется. А как выжали гущу до последней капли, сосед уже рукой машет, бородой трясет, зазывает:

– Айда, мужики, ко мне! У меня с осени бочка медовухи томится!..

Все, кто за столом был, дружно встанут, гуськом перейдут в другой дом, там какое-то время почивают, бочку осушают, за ним, в третью избу, четвертую, и так далее. Пришлomu человеку нетрудно найти общее собрание. Где собаки да ребятишки возле дома крутятся, там и промышленники заседают.

Неделю-другую длится «приход» охотников из тайги. До тех пор пока жены роптать не начнут: «Уж вы, черти окаянные! Вон, все хозяйство дома стоит, никакое дело не делается, пора баню топить, бороды брить!» Хмельные мужики затылки чешут, и то правда, сколько можно гулять? Во всем поселке логушки¹⁴ опустели. Бросают пить да бражничать мужички, знают, делу время – потехе час. У каждого свои семьи, дела. Надо как-то дальше жить, хозяйство вести.

– Это вон у Гришки никого нет, ему заботиться не о ком и не о чем, – говорит один.

– Что ему, одному-то? – глядя вслед гуляющему охотнику, скажет другой промысловик.

– Да уж... – тяжело вздохнет третий. – Для кого ему стараться? У него никого нет.

Бросают соболятники праздник да веселье, расходятся по домам. Только Гришка Соболев, возможно, спасаясь от одиночества, продолжает бродить по поселку в поисках общения.

Едва встанет милое солнце над шумными хребтами, Гришка шагает с пустой котомкой в лавку к Агею, покупает спирт, сухую колбасу, сушки, пряники, консервы, всевозможные сладости. Денег у Гришки – полные карманы, куда девать скомканные бумажки? Закупив на день разных яств, охотник неторопливо шагает по улице: улыбка до ушей, из добрых глаз летят огоньки щедрости, смятая борода во все стороны топорщится, из-под росомашьей шапки грязные клочки спутанных волос торчат. На голом теле выдавшая тысячи костров росомашья телогрейка, волчьи штаны, на босу ногу рысьи тапочки. За Гришкой тянется пестрая ватага ребятишек, от мала до велика. Любят дети Григория за простоту души, за доброту разгульную!

---

¹⁴ Логушка – небольшой деревянный бочонок с боковым отверстием.

Тот, в свою очередь, их обожает! Кого не увидит, щедро улыбается, руки медвежьи раскинет, сгорбится сохатым, глаза блестят:

– Иди ж ты, малый, ко мне!.. Это каков же ты будешь? Чей мужик растет?.. Ну неужто сам Мурзин-младший? Во как! Это ж ты когда успел вырасти?! Ну же, иди ближе, что-то дам...

Пацан к нему тянется, хитро смотрит на громадного дядю низу вверх, будто не понимает:

– Что, дядя Гриша?

Гришка нарочито тянет время, улыбается, медленно шуршит рукой в котомке, таинственно цокает языком и, наконец-то, вытаскивает полную горсть конфет да печенья. Малый от угощения едва дыханием не заходится, счастлив, шапку подставляет, у ног вьется. Горсть Гришкиных лакомств как раз в детский головной убор вмещается. Пацан не знает, что делать, куда сладости девать, собаки вокруг крутятся. Гришка легко поднимает малого на руки, шагает дальше:

– А что, отец-то дома?

– Тятя тебя в гости звал! – торопливо отвечает малый. – Мамка пирогов напекла... бабка корову доит... дед трубку курит... Наська дрыхнет... Васька пошел за глухарями...

Гришка нарочито хмурит брови, оценивающее смотрит на дитя:

– Ну ж ты, поди! А что же Наська дрыхнет?

– Так, она еще маленькая! Ей только три года... А мне уже целых восемь! – гордо отвечает малый, заталкивая в рот медовый пряник.

– А Ваське сколько же тогда?

– У-у-у!.. Васька у нас уже здоровый! – едва ворочая языком от пряника, отвечает тот. – Он уже выше ружья! Вот настолечко, – показал пальцами размер со спичечный коробок. – Дед ему свою фузею дал, потому как сказал: ты уже вырос... так вот он на ток и поперся, – обиженно скривил губы, – а меня не взял...

– Что же так, не взял? – хохочет Гришка.

– Говорит, маленький... я вот вырасту, пойду за зверем!.. Его тоже не возьму...

Гришка доволен, теревит пацана за чуб, твердо переставляет ноги:

– Говоришь, тятя звал?.. Ну, так, пойдем к вам!

Пока большой да малый идут к дому Мурзиных, рядом собралась куча ребятишек. Гришка всех угостил из своей котомки, никого не обидел! Как подошли к воротам, дети наперебой голосят:

– Дядя Гриша, нарты тащить?

Тот нехотя машет медвежьей рукой:

– Тащите... – и неторопливо вваливается в староверческую избу.

Пока Гришка заседает в хате Мурзиных, гурьба ребятишек терпеливо дожидаются, когда дядя Гриша из дома вывалится. Они его тут же на нарты, на медвежью шкуру укладывают и везут через весь поселок по улице к своему дому. Хмельной Гришка, как барин, песни мычит, шутит, да ногами дрыгает, помогает ехать. А как доедет до дома, облапит детвору, да в дом ковыляет, спать. В избе тепло, детвора печь заблаговременно истопила, девчонки малы есть наварили, полы подмели. Гришка благодарит всех, широко блестит рядами белых, здоровых зубов, валится на кровать и затихает. Когда все уходят, стонет Гришка как раненый зверь так, что стены гудят. Плачет здоровый мужик, когда никто не видит, не слышит. Тяжело Гришке одному в пустой избе жить.

Наутро все повторяется снова. Ходит Гришка по друзьям-товарищам, каждый день в другой дом, никого не забывает. Никто его никогда не выгоняет, все рады. Не часто Гришка в гости так приходит, раз в год. Мужики уважают его, потому что он никогда никому ни в чем не отказывает. Женщины в голове не держат мысли выгнать прочь, знают, что такое одиночество.

Была когда-то у Гришки семья: отец, мать, жена, дом, хозяйство, все, как полагается. Крепкий, кедровый пятистенок на берегу Казыра виден издали. Свой дом рубил Гришка

основательно, три года, собираясь прожить долгую, счастливую жизнь. В первое лето заготовил лес, на второй сезон поставил стены под крышу, и лишь на третью осень, к Покрову, вошел с молодой супругой Глафирой за невысокий, широкий порог. Стал жить молодой охотник праведной жизнью: себе в дом нес, но и других не забывал. Что возьмет в тайге соболятник, все в дело пускал и с соседями делился, чем мог.

Однако не сложилась у Гришки жизнь. Может, этому послужил слишком добрый характер парня: не любят жители глухих, таежных, староверческих поселков, чтобы среди них кто-то отличался. Или виной тому стал дурной сглаз местных колдовок, ревновавших Глафиру к своим дочерям. На третий год после шумной свадьбы Григория и Глафиры в тайге потерялся отец Николай. Пошел старый таежник с товарищем за Пайдабу (Священный перевал) желтый металл искать, да и сгинул с концами. Долго искал Григорий с товарищами родной след, нашел место, где старатели мыли золото, какие-то мелкие вещи, а более ничего. Исчезли мужики, как старый дым затухающего костра. Может, седой зверь тела по косточкам растащил, или росомаха плоть изгрызла. И все же опытным глазом по брошенным в шурфе лопате да заступу понял Гришка, что отца и друга его убили злые люди. Николай не имел привычки бросать в грязи и сырости инструмент, выкидывал его наверх даже тогда, когда выходил на обед.

Найти виновных в смерти отца Гришка так и не смог. Велика тайга, да слишком много времени прошло с кровавого дня. Много людей в тайге теряется, одни за золото, другие – за соболей. Найти убийцу тяжело, как снежинку в лавине. Человеческая жизнь не стоит занюханной табакерки. Тайга все спишет, да и спрашивать никто не будет.

Потеря отца – первое несчастье в Гришкиной семье. Ровно через год, к Святой Троице, от тоски умерла матушка. Непонятно почему, высохла женщина, ослабла духом, ослепла глазами, стала заговариваться, все шептала:

– Зовет меня мой Коленька!.. Умру я сегодня...

А утром не поднялась.

После второго удара верная подруга Глафира не смогла разродиться первенцем. Три года прошло, прежде чем любимая жена отяжелела. Долго молодые ждали ребенка, да не дождались. В тайге был Григорий, когда у Глафиры сроки подошли. Одна была женщина в доме, некому было помочь головку поправить. Нашли Глафиру мертвой утром. Вернулся Григорий домой, а в хате пусто, будто сель прошел...

3

Пять лет прошло с тех пор. Изменился Григорий, стал другим. От одиночества и горя в тайгу подался, одичал, в поселок выходит три раза в год, за продуктами, да в гулянке душу расслабить. И все же свои чувства Гришка умело скрывает в густой бороде. Как пойдет соболятник по поселку, кого не увидит, всех с улыбкой приветствует, старость и отечество уважает, друзей да соседей чествует, детей любит. Возможно, никто не слышал от него дурного, плохого слова. В любом скандале Гришка умело охладит пыл зарвавшихся. Если надо, возьмет вину на себя. Всем хорош Григорий. А только нет, бывает, выстрелят в человека недобрые, холодные, пустые глаза, будто зверь к прыжку готовится. И непонятно, что в них выражено: боль, обида, зло или даже ненависть. Испугается собеседник: что на уме у дикаря? А Гришка тут же опять переменялся, глубоко, щедро улыбается, будто хочет подарить всю теплоту открытой души.

В свои двадцать восемь лет к богатству и наживе Григорий не стремится. Все, что он добывает в тайге потом да ногами, быстро растрчивает направо и налево. Выпивает Гришка не больше, чем другие охотники. В хмельном веселье раздает банковские билеты всем, кто попросит, не считая сумму и не вспоминая долги. Старая бабка Абакумиха говорит правильно:

– У Гришки вся деревня в долгах, только он об этом знать не хочет!

Предусмотрительная половина человечества, женщины, завистливо стонут:

– Ах, бабоньки! У Гришки карман, как вымя у хорошей коровы: чем больше молока, тем лучше выдаивается! Эх, такие деньжищи бы да в путные руки!..

Пытались женить Гришку много раз. Бывало, выйдет он из тайги с соболями, а свахи ему женщину нашли: красива, молода, тиха, честна, работающая... со стороны посмотреть – сама невинность! В хмельном угаре Гришка на сожителство соглашается, однако уже утром, будто очнувшись, гонит новоявленную невесту прочь:

– Рот нитками зашей, говоришь много!..

Другая не нравится потому, что храпит во сне. Третья спит больше его. Четвертая полы не так метет. Пятая готовит неправильно.

После очередного сватовства соседки рассердились, плюнули Гришке под ноги:

– Живи, как хочешь!

Тот не обиделся, засмеялся:

– Я вас не просил. Живу так, как могу.

На том и отступились свахи. И только старая бабка Абакумиха дала ситуации мудрую оценку:

– Не трогайте его, бабы. Женился Гришка на тайге, теперь не удержишь!..

Так и живет Гришка Соболев один в своем пустом доме-пятистенке: комнат много, а душа одна! Большую часть жизни мужик проводит в тайге, возвращается только для того, чтобы пополнить запасы продуктов, да утешить истосковавшуюся по людям душу хмельными разговорами.

Как уйдет Гришка в тайгу, дверь на палочку – никого нет! В его отсутствие в дом никто не ходит, ничего не воруют. Все вещи на местах, как есть после смерти Глафиры. Лишь в сильные морозы, зимой, добрая соседка ходит печь топить, чтобы картошка не замерзла.

Одинок в своей жизни Григорий, как перст, и в тайгу один ходит. По соболям, с обметом ему равных нет, с сетью ловко управляет, двоим не угнаться. Однако за добычей не стремится, поймает в сезон три-четыре соболя – и хватит! Да и как не хватит? По настоящим временам, в пересчете на хлеб одна шкурка аскыра стоит 180 пудов хлеба. За такие деньги мужику можно весь год на кровати валяться, бражничать, да в потолок плевать. Да только не таков Гришка, дома сидеть – как в поле ветер! Когда он уходит – никто не знает; где ходит – никто

не видит. Сейчас уже никто из мужиков не помнит, кто и когда дал ему меткое определение – Одинокий Соболь. На свое прозвище Гришка не обижается:

– Может, так оно и есть...

4

Проснулся Гришка как всегда рано. Мудрая привычка «топтать рассвет» волной взрывного адреналина ударила охотнику в голову: «Подъем! Весь зверь на ногах, один ты спишь!» Он открыл глаза, посмотрел в высокий потолок, вспомнил, что находится дома, а не в избушке, можно поваляться на мягкой кровати, но кровь не позволила. Горячие потоки побежали по телу, прогоняя сон, призывали плоть к движению.

Григорий пружинисто поднялся на постели, опустил ноги на пол, посмотрел по сторонам. За светлым окном – занавески тихого рассвета. В избе мягко, тепло, уютно.

Он вскочил на жилистые ноги, прошел по комнатам, толкнул дверь, босой вышел на крыльцо. Невидимое солнце покрасило вершины гор цветом жарков¹⁵: солнце встает. Прохладный воздух дохнул заледеневшим настом, распустившейся вербой, свежей водой из протаявшей полыньи. Длинные сосульки с крыши напомнили ему о прошедшей зиме. Заваленные спрессованным снегом, покосившиеся, пустые пригоны для скота на минуту остудили радость зарождающегося дня воспоминаниями. Гришка отвернулся к реке, послушал противоположный хребет. Где-то далеко, назначая глухариный ток, заклохотала капалуха. В колком ельнике отраднотрепещали дрозды. Перебивая журчание стремнины, над прозрачной водой Казыра гонялись юркие оляпки. Гришка потянулся руками до хруста медвежьих суставов, вверх, в стороны, втянул полной грудью воздух, на выдохе гаркнул что есть силы:

– Эх, ты!.. Хорошо-то как!..

– Нудить... и мне хорошо! – ответило эхо.

– Кто ты? – замер взъерошенной бородой Гришка.

– Так я, кто же боле... – донеслось из-за угла дома.

– Егорка, ты ли? – поднял правое ухо охотник.

– Я, боле нет никого...

– Что так рано рыкаешь?

– Дык, как рано? Вон, уже все собаки по насту давно в тайгу ушли, пора и нам вставать... – был ответ соседа.

Гришка, как был, босиком, в грязных шароварах, теплой рубаше, не повернувшись, чтобы закрыть дверь, шагнул по тропинке к воротам, да на улицу. Навстречу ему Егор Подольский шагает. На груди распахнутая телогрейка, короткие, не по росту, штаны до колен. На ногах, дырчатые валенки, большие пальцы о промерзший снег брякают. Вышел сосед на двор на минутку, да грех с Гришкой не поздороваться.

Встретились соседи, поприветствовали друг друга:

– Здоров живешь!

– И тебе туда же!..

– Как ночевалось?

– Дык, сильно душно... у костра лучше, – зевнул Гришка, – во рту сушит...

– Что так? – равнодушно спросил Егорка, переминаясь с ноги на ногу.

– Вчера у Мурзиных заседал... – тепло поведал другу Гришка и улыбнулся, – ребяташки опять на нартах привезли. Сам понимаешь, почему... – и потянулся в карман за деньгами, – к Агею, что ли, в лавку сходить?..

– Дык, можно и сходить... барыши на шкалик есть...

– И у меня есть! – разбирая ворох скомканных бумажек, улыбнулся Гришка. – Сегодня еще погуляем, а завтра – хватит!.. Пора в тайгу собираться.

– Ну, если хватит, так и ладно. А заседать ко мне пойдем, у меня Наталья пироги печет...

¹⁵ Жарки (огоньки) – купальница азиатская – цветок семейства лютиковых, яркого оранжево-желтого цвета.

Не сговариваясь, мужики молча пошли вдоль забора по улице. Егор в дыроватых валенках. Гришка, как есть, босиком. Зачем тапочки одевать? Тут недалеко...

Сбоку откуда ни возьмись вырос Мишка Плотников. Сосед в нижнем белье. На теле кальсоны да майка. На голове задвинутая на затылок драная, похожая на коровью лепеху заячья шапка. На ногах валенки по колено. Отпросившись из объятий сдобной супруги во двор по нужде, Мишка, кстати, увидел товарищей по крови, сообразил, куда они направляются, тут же присоединился рядом:

– К Агею?.. Я с вами!..

Гришка и Егорка разошлись в стороны, пустили смышленного соседа между собой, чтобы крикливая Матрена, Мишкина жена, не сразу заметила исчезновение проворного мужа. И вовремя! Сзади громко треснула дверь Мишкиной избы, а за ним закудахтал тревожный голос Матрены:

– Мишка, сыч, и где ты?..

– И что ей от меня надо? – приседая в коленях, прибавляя шаг, побелел лицом Мишка. – Ну ить как есть всю ноченьку рядом проспал, мужнин долг исполнял! Так ить хочет еще утром душу вытряхнуть...

Все трое прибавили шагу, свернули за угол. Вон, прямо, небольшая, приземистая избенка с закрытыми изнутри ставнями, лавка Агея. Рядом с лавкой, на завалинке, Чигирька сидит, в редкую бороденку плачет, хмель по лицу размазывает. Любит и хочет хакас выпить, да денег нет, бабка не дает, по причине той, что он всех соболей после сезона за две недели спустил. Как примет Чигирька стакан на душу, любит жену свою за космы по избе таскать. А если где с православными к столу присел, так все на свете расскажет за стакан водки! Нет у коренного хакаса, представителя малых народов, чувства меры в восприятии спиртного. Будет пить до тех пор, пока наливать будут. А если хозяин добрый, может в долг на два года вперед нагулять в беспамятстве.

Подошли мужички-охотнички к хакасу, участливо спросили:

– Здоров ли живешь, Чигирька, по какой причине двери заведения оплакиваешь?

– Так вот не дает, слодей, вина!.. – грубо хлопнул по ставням хмельной Чигирька и загремел на всю улицу: – Акей! Кристом Боком прошу: дай чарку! Деньки потом отдам... у меня пила карошая есть, новая... Борька Кирпичников говорил купить, сегодня продам, деньги принесу! Зачем мне в тайге пила? Топор есть...

– Не дам! – глухо зарычал в ответ хозяин лавки. – Бабка твоя ночью прибежала, обещала керосином лавку облить и запалить! Мне это надо? Вдруг и правда пожар устроит?

– Да ты что, Акейка? – взмолился хакас. – У бабки керосина нет! Всю зиму лучины ношом ресала... – едва не плачет Чигирька. – Душа горит, все горит, больно весте... нутри плохо, голова кружится!..

Мужикам все понятно. Засмеялись охотники не потому, что Чигирька смешной, а оттого, какую проблему не может разрешить. Для Гришки и Егора все просто. Любой из них, кто захочет, может из Агея душу вытрясти, если надо будет. В долг взять у купца проще простого. Ну а за деньги товар прикупить в метель и мороз, ночью и днем – всегда пожалуйста! Потому что промышленники для Агея – желанные гости!

Ударил Егор кулачищем в ставни, едва творило не выбил, слышно, как с другой стороны петли жалобно запищали:

– Открывай, хозяин!.. Я пришел!

Этого знака будто ждали. Изнутри звякнула щеколда, дверь лавки широко распахнулась. В узком окне нарисовалась круглая, засаленная физиономия Агея. Недовольный взгляд заменила лощеная улыбка, довольная приходу покупателей:

– Доброго вам утречка, Егор Варфоломеевич! И вам, Григорий Николаевич желаю здравствовать! О! Кого я вижу!.. Михаил Иваныч... пошто без портков? Никак разлюбезная супруга ваша из дома не выпускала?

Доволен Агей безмерно: опять выручка пришла! Ради такого случая купец готов охотникам сапоги чистить. Не зря предприниматель тащил в тайгу свой товар за сотни километров. Удачная торговля бывает только два раза в году. В таежном поселке Агей появляется к Покровам, когда старатели-золотари сезон оканчивают, да к Масленице, когда соболятники с пушниной из-под гольцов выходят. Сегодня, сейчас, такой случай. Не ленись хозяин, не проспи свой час! Выставляй свой товар напоказ, деньги сами в руки плывут! За прилавком в теплых валенках стоять, это не по горам да хребтам рыскать, ноги бить, да спину рвать.

– Шкалик нам! – ударил кулаком по прилавку Гришка. – И занюхать что-нибудь...

– Шкалик один? – заметался по лавке Агей.

– Ну уж!.. – гневно сверкнул глазами охотник. – Как всегда...

Звякнули литровые бутылки со спиртом, глухо затукали жестяные банки консервов с ветчиной, килькой, да мореными ананасами. Дохлая плесенью копченая колбаса, посыпались пряники, конфеты, леденцы, да прочие устаревшие, просроченные датой употребления яства. Это в молодой Стране Советов, новой, зарождающейся республике разруха да голод. Здесь, в тайге, за валютных соболей заморские капиталисты готовы передать чалдонам все, вплоть до бананов, лишь бы была прибыль.

Гришка небрежно свалил продукты в мешок, что-то вынюхивая, пошевелил носом:

– Селедки дай! Хариус надоел...

Агей проворно отвесил на косых весах ржавой, вонючей рыбы, завернул в папиросную бумагу, одной рукой отдал пакет охотнику, другой стал проворно отсчитывать скомканные деньги.

– Не хватает... – мелькая костяшками счетов, хитро заверил лавочник и на встречный вопрос Гришки стал быстро объяснять, что и сколько стоит.

Гришка разочарованно вывернул карманы штанов, уныло развел руками:

– Нету... кончились. В долг пиши...

– Не надо в долг, – перебил его Егор, выкидывая на прилавок свою горсть банкнот. – Считай, да еще шкалик добавь!

По меркам местных таежников, шкалик уместается в три литровых бутылки спирта. Агей это знает, поэтому живо выставил на прилавок необходимое количество горячительных напитков.

Егоркиных денег хватило, однако у мужиков не осталось ни гроша. Но все довольны. Покупатели – в ожидании живого разговора, Агей – от прибыли.

– Куды пойдем? – озираясь по сторонам в поисках позора, кутаясь в нижнее белье, спросил Мишка Плотников.

– Давай ко мне! – поочередно приподнимая босые, красные как у гуся ноги, позвал Гришка.

– До тебя далеко... – разочарованно протянул Егор и укоротил дорогу. – Однакось до меня ближе. Наталья квашню завела, сейчас пироги печь будет... айда ко мне!

– Пироги, это хорошо! – поддержал Мишка. – Только вы шагайте по улице, а я за вами, огородами...

– А Чигирьку куда?

– Пусть с нами шагает! – позвал Егор и положил свою тяжелую руку на плечо радостного хакаса так, что тот присел в коленях. – Пойдешь с нами, Чигирька?

– Чигирька всегда рад! – освобождаясь из-под руки, засуетился тот. – Пойду, однако, пока бабка спит! Чигирьку зови, он всегда помогать будет... бабку за волосы таскать потом буду, когда домой приду!

Все засмеялись, пошли по улице. Мишка, копируя зайца, побежал за прясла в гору, задами.

Таежный поселок быстро оживал. Деревенские люди просыпаются с рассветом. Охотники, до первых петухов. Где бы ни проходили мужики, у ворот встречали соседей, бодро приветствовали друг друга, кланялись, поздравляли с праздником, задавали простые вопросы:

– Где были? На охоте?

– А ну, как вам пофартило!..

– Гришка, нудыть твою, опять последние деньги спускаешь?!

Последние отвечали несложно, просто, подчеркивая дань уважения старости и осаждая завистников:

– Здорово живешь!.. Айда с нами!.. Не на твое пью, на свое!..

По дороге охотники вовлекли в свою компанию еще одного. Старовер Варлам Никитич Мурзин видел мужиков, когда они шли к лавке Агея, и теперь ожидал их у ворот, тайно надеясь на участие в мероприятии.

Позвали и его. Старый охотник, несмотря на строгие правила старообрядческой веры – не сидеть за одним столом с чужими, не есть из общей посуды – на искушение согласился, пошел рядом. Любит дед Мурзин про охоту поговорить, да огненной воды внутрь принять. А чтобы единоверцы не заподозрили грех, пояснил соседке, бабке Казарихе:

– Ты моей-то передай: щас, мол, приду! К Егорке пошел я... он мне картечи обещал на глухаря!..

Идут мужики по деревне: хорошо! Дышится легко и просторно, солнце встает, пахнет плотным снегом, вербой, холодной водой от реки. По всему поселку петухи поют, коровы мычат, дым из печных труб на запад валится. Где-то брякает железо, глухо стучит топор, да над улицей разливается тонкий, пронзительный визг Матрены:

– Мишка, крохаль! И где ты?! А ну, появись, голову топором враз оттяпаю!..

Началось утро в деревне!..

5

Дом Егора стоит на краю села. С нижней стороны просторную усадьбу подмывают холодные воды таежной реки. Верхнюю часть забора окаймляет густая тайга. Рядом, по соседству, расположилась вотчина Гришки Соболева. С другой стороны от деревни проживает тесть Егора, строгий, но справедливый Никита Карабаев.

Три года назад власть Советов сослала вольного казака Егора Подольского из Суздаля в Сибирь. Неудобны молодой республике верноподданные «Вере, Царю и Отечеству» бравые воины, готовые лихой удалей противостоять революции. Раздробили комиссары великое войско, разогнали по медвежьим уголкам преданных России солдат Отечества. Суровый приговор – «Живи, покуда, и носа не высовывай!» – под угрозой расстрела ограничил волю Егора до предела. Границы передвижения – три соседних поселка, без разрешения посещения районного центра, да суровое предписание обязательной, ежемесячной отметки в сельсовете сковали лихого казака по рукам и ногам. Единственной отрадой да отдушиной свободомыслия стала тайга, где Егор мог ходить и жить без надзора суровых прокураторов.

Поселили Егора в маленькой, ветхой, заброшенной, насквозь простреленной ветрами и дождем избенке поздней осенью. Наскоро справившись с условиями быта, трудолюбивый казак как-то пережил многоснежную, морозную зиму, чем немало удивил комиссаров: «Смотри же, не замерз!..» А весной стал поднимать свое ущербное, жалкое хозяйство.

Местные жители встретили ссыльного казака настороженно. Не сразу доверяют люди тайги новичкам, присматриваются, кто он и что. Если лодырь да тунеядец, нечего помогать, сам помрет. А ну как трудолюбивый, можно и дружбу завязать.

Егор оказался из тружеников, от зари до зари топор из рук не выпускал. Первым делом, как утеплило, у своей избушки крышу перекрыл, нижние, сгнившие венцы заменил, полы постелил, забор поставил, на заработки пошел. По настоящим временам на сплаве леса хорошие деньги выручают мужики. А те, кто «в стакан не заглядывают», зиму живут безбедно.

Удивились Егору местные жители: год как сослан, а уже в жилище свое посуду приобрел, кровать поставил, лес на новый дом заготовил. А как сходил Егор зимой на соболеву, стали доверять и уважать славного воина, не по своей воле потерявшего малую родину.

Ко второй весне своей ссылки Егорка купил коня, начал дом строить. Заговорили люди о нем:

– Смотри-ка, каков мужик: под ногами земля горит! Вторую зиму пережил, а уже хозяйством обзавелся, все в руках ладится! Не то что у нашего пролетария Ваньки Петрова, корова всю зиму простояла под навесом, а к весне снегом задавило, крыша упала... дык, ишо куры через стену в дом ходят... эхма, девку бы каку Егорке сыскать... такой парень пропадает!

Не пропал Егорка без семьи. Приглянулась парню соседская девчонка Наташка Карабаева. Стал Егорка скромно честь даме оказывать: улыбнется, слово ласковое скажет, шутку-другую, или цветочек подарит. Раз внимание уделил, другой, третий. У Наташки сердечко дрогнуло, влюбилась, бедная, первый раз. Как увидит Егорку, дыхания не хватает. Понял красивый казак-молodeц, что добился своего, – жить без любви нельзя! – с первыми заимками пошел с Гришкой Соболевым к Никите Карабаеву свататься. Недолго старовер упрямылся. Однако для солидности выдержал паузу, налил гостям по ядреной кружке хмельной браги, суровым взглядом дал понять окружающим, кто здесь хозяин, и наконец-то рывкнул медведем, тряхнул бородой:

– А ну-ка, поди сюда, девка на выданье!

Наташья ни жива ни мертва – сердечко бьется синичкой в сених, а ну, как тятя откажет? – подошла, встала рядом, опустила в пол глаза, едва не упала на руки матери, как выслушала свою судьбу:

– Скоко тебе, девонька, стукнуло? Ага, оно и верно. Так вот, мила моя, отдаю тебя я замуж за Егорку. И не смей мне перечить! – с этим словом Никита стукнул кулаком по столу. – Человек он, видно, хороший, не грех породниться! Да и на настоящий день, нет жениха виднее его... – И уже к сватам и Егору: – Значит, как договорились: на Покрова свадьбу сыграем!

Несмотря на разную веру и возраст, отдал Никита Наталью в шестнадцать лет замуж за Егора. Девять лет разницы в годах – не великий срок. Лишь бы жилось складно, да по-хозяйски, а о любви не заботились. Любовь сама придет, когда первое дитя криком напоеет!

Скромная, по староверским канонам, свадьба прошла в назначенный день. Вошли молодые в новую, срубленную с помощью соседей-односельчан избу, и зажили теплой, сладкой жизнью в любви и согласии.

6

...Робко вошли мужички в Егоркину хату, голосами горницу наполнили, молодую хозяйку приветствовать стали. Наташа в это время первые пироги с печи снимала, ответила улыбкой, пригласила гостей за стол. В голосе красивой, молодой женщины нет и тени намека на ругань: как Егор сказал, так и будет! Если привел людей в дом, значит, так надо. Однако немного пристыдила мужа, что в дырявых валенках по деревне гулял у всех на виду. А увидев единоверца, деда Мурзина, засмеялась:

– Что же это ты, дедушка, закон нарушаешь?

Тот слепо потупил глаза, но быстро нашел слова для ответа:

– Да уж, бес мне руки завязал, рот открыл, вино заливает. Хочу противиться, но душа с бесом заодно, вина просит... Ты уж прости, меня, внучка: отмолю грех сполна... – перекрестился, – может, простит... Токо бабке моей пока не говори, где я!

– Да как же не говорить-то? Вон, посмотри в окно, Казариха уже пальцем на наш дом указывает, твоей бабке объясняет, где ты...

– Ишь ты, и точно... – Дед Тит вытянул шею глухарем, и тут же спрятался за занавеску. – Шчас, прилетит, утка карковая! А ну, Егорка, наливай быстрее, покуда арест не произвели...

Присели мужики за стол, продукты разложили, вино по стопке налили. Наталья пироги подала. Все выпили, стали хвалить хозяйку, но постепенно перешли к основной теме. Одни разговоры у таежников, о тайге-матушке, да ее прислужнице-кормилице Охоте. В знак уважения годам, все сначала слушали Варлама Никитича. Таежник, в свою очередь, пока бабка не пришла, хватив лишний стаканчик вина, увидев свободные уши, – с единоверцами вот так запросто не поговоришь, – разошелся, побежал по хребтам да перевалам, стал объяснять, где был. Стал учить, как соболей обметом ловить, да прочим премудростям таежного промысла. Однако наступила пора выслушать хозяина дома.

Не любил Егор много говорить, но в настроении, с хорошими людьми разговорился, вспомнил прошедший сезон, как они с Семеном Пономаревым соболя неделю тропили, да едва не проспали добычу. И еще вдруг вспомнил казак о своем странном сне. Почему так случилось? Никогда о нем раньше никому не рассказывал, а тут будто кто за язык потянул.

– А приснилось, мне, мужички, такое диво: будто хоровод я со снежными бабами водил... в центре, статуя из золота.!

На Гришку да Мишку этот рассказ особого впечатления не произвел. А вот дед Мурзин и Чигирька рот открыли. Знает Варлам Никитич значение сна. Чигирька, потомок древних охотников, хакас, вспомнил старую легенду.

– Неужто точно, ту фигуру из чистого золота видел?! – остеклился глазами дед Мурзин.

– Да уж, как тебя вот вижу, – равнодушно ответил Егор, разливая по стаканам вино.

– А что, за руку брал?..

– Нет, руки не подавал...

– И то ладно. Слава Богу, – перекрестился старовер, – может, все пройдет стороной...

– Что пройдет стороной? – подскочила к столу Наталья с испуганными глазами. – К чему сон тот?!

– Ничего, – успокоил ее дед, – все будет нормально! Сама знаешь, что золото – зло. Однако коли к нему не прикасался, это хорошо, все будет нормально...

– Говори, Игорка, где тот костер с бабами смотрел? – вдруг подал голос до этого молчавший Чигирька.

– Кажись, под перевалом Пайдаба дело было. Не помню точно... там, где тропа зверовая между засыпными гольцами проходит... – вспоминая место, ответил Егор. – Там еще скальник перед выходом из тайги.

– Зря туда ходили, – потемнел лицом Чигирька. – Охотники говорят, ходить нельзя: святое место! Давно дело было. Хан Алтыбай хакасов в рабство уводил, много женщин, детей угнал, лошадей, золото. Много раз монголы были, много мужчин убили. Мне бабка моя Аныкай говорила: пришел хан Алтыбай, много воинов, как туча! Хакасы в тайге скрывались, в горах, пещерах. Но и там монголы их находили, мужиков кололи, женщин и детей навсегда забирали. Бабка Аныкай говорила, под перевалом Пайдаба «Тропа бабьих слез» есть: бабы шли, плакали. Один раз, бабка Аныкай сказала: шли бабы с ребятишками, осенью, холодно, снег, мороз, помирать стали. Монголы били всех, хотели за перевал уйти, там снегу мало, тепло. Бабы плакали, дети кричали. Горы с бабами говорили, лавина с перевала сошла, всех завалило. Бабка Аныкай сказала, монголы тогда Алтыбаю золотую статую везли. Весной снег растаял, мертвые люди, лошади есть, а бабы нет! Куда баба пропала? Так никто и не знает! Моя бабка Аныкай сказала, потом там люди стали видеть костер, а вокруг бабы хоровод водят. В костре статуя из золота стоит. Кто статую видит, тому плохо будет...

Дед Мурзин во время рассказа хакаса успевал креститься, все кивал бородой:

– Правду Чигирька говорит! Этот сказ я тоже много раз слышал, есть «Тропа бабьих слез»! Кто ходил под Пайдабу, видел золотую статую, тот пропадал совсем.

– Что же мне Семен Пономарев ничего не сказал про это? – суровым голосом спросил Егор.

– Кто же его ведает... Может, он и сам не знает.

– Что же теперь будет?... – подала голос Наташа, она слышала весь разговор от начала до конца, и теперь переживала за мужа.

– Что теперь? – дед Мурзин перекрестился в очередной раз. – Будем Бога молить! Так еще один мажор есть: ты же золотую статую за руку не брал, «здравствуй», не говорил?!

– Нет, такого не было! – заверил Егор.

– Что тогда печаль разводить?! – поднимая кружку, приободрил старовер. – На нет, и суда нет! Давайте, зеленым змием беду отобьем! – и опять к Егору: – Не думай обо всем: о семье думай, детях своих, вон у тебя малые, скоро еще народится, Наталья третьим ходит!..

Брякнули кружки, мужики выпили, опять заговорили о тайге, соболях, настоящих и будущих делах. Они нашли другую тему для спокойной, обстоятельной беседы, но Егор так и остался в напряжении: не выходит из головы тот странный, плохой сон.

Засели мужики в тот день надолго. Вот уж день к вечеру близиться стал. Яркое, гуляющее солнце прокатилось над деревней к синим горам. Собаки по растопленному насту из тайги вернулись. Бабка Казариха корову на водопой сгоняла, встала с полными водой ведрами у ворот, о чем-то судачит с соседкой Фешкой Мурзиной, на окна дома Егора заглядывает. Дед Мурзин возмущен до крайности, краем глаза в окно смотрит, когда бабы в коленях подогнутся:

– Гляжось, как все происходит: целыми днями Казариха, да моя супруга благоверная на ноги да поясницу жалуются, травками протираются, да пятки в муравейнике зудят. А как посмотрю я, на реку за водой уйдут, незнамо через сколько времени возвращаются!

– А ты у Ваньки Петрова спроси, он скажет! – усмехнулся Гришка Соболев. – Я вот, не знаю, как по часам определиться, мне это не надо. А Ванька – скажет...

В глухом, таежном селении время никто не знает, потому что его нет. Главные козыри для жителей – петухи. Как утром в стайке пестрый закукарекал, значит, пора вставать. Вечер определяется по воронам: полетели черные над горами, ударили голосом в колокол, знать, ложиться надо. Единственные часы на весь таежный поселок есть у Ваньки Петрова. Как важный представитель пролетариата, носит он их на цепочке, в грудном кармане. Однако круглый механизм два года не тикает, сломалась пружина, не заводится. И все же Ванька, истинный коммунист, не упускает возможности похвастать перед односельчанами роскошью, – часы золотые, отобранные у какого-то барыги в районном центре, – пусть знают, что нынче он не какой-то бродяга, нищий с котомкой, а ответственное лицо, представитель Закона. На вопрос: «Который час?» –

Ванька важно достает часы, но циферблат никому не показывает, наобум говорит какую-то цифру и гордо уходит восвояси: «Все равно ничего не понимаете!» Кажется Ваньке, что все его уважают, потому что он умный, грамоте в уездном городе обучался. Однако причина кроется в другом. Не уважают Ваньку, а боятся. На поясе, в кобуре у него револьвер висит, заряженный семью патронами. Любитель выпить, Ванька иногда имеет склонность показать свой нрав, разрядить барабан по чьим-то воротам. В селе любой житель знает, что коромысло, и то раз в жизни в лоб ударяет, а о револьвере, говорить нечего.

Вспомнили мужики про Ваньку Петрова, а он по улице шагает, в окна домов заглядывает. Дед Мурзин едва бороду свою не порвал от досады:

– Глякося! Дурака вспомнишь – появится!..

– Сейчас сюда зайдет! – кисло выдохнул Гришка.

– Давай, двери на засов закроем: нет нас, и все тут... – предложил Мишка Плотников.

– Да разве от него закроешься? Он через крышу залезет... ему проще сразу стакан спирта налить, чтобы с копыт свалить...

– Стакана мало...

– Трех тоже!

Между тем Ванька Петров подошел к бабкам, стал о чем-то спрашивать. Соседки живо указали на дом Егора – «Там!» – чем поставили точку на спокойном заседании охотников. Важно одернув на плечах кожаную куртку, пролетарий пошел к воротам. Казариха и бабка Фешка следом за ним, с коромыслами на плечах. Сзади, едва не выскочив из валенок, бежала Матрена Плотникова. Праздник был испорчен.

Ванька громко загремел сапогами в сенях, постучал в двери, после разрешения вошел в избу, поздоровался. За ним, выглядывая из-за спины, ввалились остальные представительницы женского пола. Увидев своего суженого, Матрена Плотникова округлила глаза, хотела закричать, но бабка Фешка одернула ее: пусть сначала Ванька скажет, зачем пожаловал.

Пролетарий важно посмотрел на присутствующих, улыбнулся, – повезло! – одобрительно кивнул головой на предложение Егора присоединиться к столу. Выпить Ванька был никогда не против, за этим пришел сюда, однако для пользы дела, все же решил довести до народа новый Указ партии. Выпив полный стакан водки, Ванька захрустел грибами, схватил пирог, едва не подавившись, – дома такой еды нет, – посмотрел на Наталью: спасибо!..

Когда-то Наташа нравилась Ваньке, хотел он ее взять в жены. Красивая Наталья девушка, хозяйка хорошая, молодая. Может, и не любил он ее, но хотел жить «как у Христа за пазухой». Однако все намеки и ухаживания настойчивого жениха не имели успеха. Наташе не нравился толстогубый, с лоснившимися глазками парень, не умевший сказать ласкового слова. Отец Наташи, Никита Карабаев, и мысли не допускал отдать на мучение работающую дочь в челядь: при всем своем желании Ванька с братьями за все лето не могли накопить на корову сена. Слух о лени семьи Петровых бегал по таежным поселкам быстрее сохатого, никто не хотел родниться с лодырями да тунеядцами. Люди тайги не сидят на холодной печи под дырявой крышей. Может, так и жили Петровы от черемши да картошки, да власть сменилась. Революция пригрела Петровых, дала бедным права, прикормила, обула, одела, вооружила. Теперь братья Петровы могут зайти в любой дом без стука, никто перед ними ворота на запор не закроем: с властью не шутят!

Наташа хорошо помнит времена, когда Ванька сидел у ворот их дома на бревне, просил молока напиться, да отец Никита его огрел по хребту оглоблей. В тот раз Ванька убежал, надолго пропал. В поселке думали, умер, однако губастый отпрыск приехал через год на вороном коне, в кожаном френче, с красным флагом в руках да револьвером на ремне. Вместе с Ванькой отряд из десяти человек. Проскакали красные по короткой улице, повесили красный флаг на огромном, кедровом доме купца Сотникова, написали на доске «Сельсовет». Сколько было водки да самогона выпито пролетариями, знает лишь своенравный Казыр, потому что все

бутылки в реку выбрасывали. Местные жители были испуганы светопреставлением. Как так, голытьба да тунеядцы к власти пришли? Не может такого быть, где Бог, где Вера? Припомнил Ванька «оглоблю» Никите Карабаеву, по продразверстке свел со двора коня да корову. Может, он забрал бы молодую Наталью к себе в дом, да она к тому времени уже замужем за Егором была. Повезло...

Затаил Ванька Петров зло на местных жителей, все вспомнил. Никите Карабаеву грозит раскулачкой. Егору Подольскому, ссыльному казаку, предписал появляться каждую неделю на проверку. Другим мужикам наказал пошлину – страна голодает! – за проваленную агитацию. Хотел Ванька привлечь охотников во власть Советов, чтобы иметь горячую поддержку: как-никак, почти у каждого ружье есть. Да только кто пойдет штаны просиживать? Работать надо, сегодня одно, завтра другое. У соболятников забот полон рот: домашнее хозяйство, орех, соболя. Что не сделаешь сейчас, потом не вернешь. Никто Ваньку Петрова не поддержал. За то и был он сердит на весь поселок.

Вошел Ванька Петров в дом Егора вроде как по нужде: Закон до жителей новый довести надо, да еще раз показать, кто в поселке хозяин. Пока сюда шел, каждому встречному мнение праздничное высказывал, кулаками перед лицом махал. Однако Егору кулак не покажешь. За ним – железное прошлое, может и сам в лицо ударить. Одно слово – казак! Отшибет последние мозги, потом спрашивай, что это было... Хоть Ванька и обижается на Егора за невесту, но старается держаться от него подальше. Однако сегодня в дом сам зашел, и от угощения не отказался.

Хозяин принял гостя сдержанно, за стол пригласил, спирт налил, а заодно стал пытаться: что надо?

Ванька не стал долго раскошелливаться, выложил все сразу, как есть:

– Разнарядка из города пришла, Закон вышел, с каждой обеспеченной семьи процент брать с дохода!

– Это с какого такого дохода?! – взвизгнула Матрена Плотникова.

– А вот с такого, – важно посмотрел на окружающих пролетарий. – Вы, таежники, люди обеспеченные, почитай, все хорошо живут. Кто с тайги приходит, большие деньги имеет, с продуктами проблем нет... на телегах колеса сливочным маслом смазываете... а страна голодает! В Петербурге да Москве люди умирают...

– Это что за процент такой? – хмельно удивился Гришка Соболев. – Откуда его взять-то?!

– За сободем в тайгу ходишь, вот и давай! Мед, рыбу, орех продаешь, лес плавишь – все нажива! Вот и думай, что Ленин сказал.

– Ленин сказал?! Интересный закон, голь да нищету обирать, – усмехнулся Егор. – Помню, при царе такого не было, крестьянина обирать.

– Ну, ты это, брось, политику разводить! – сурово пригрозил Ванька. – Про простых речь не идет, разговор идет о зажиточных.

– Эт-то кто же зажиточный среди нас? – хмельно раскачиваясь на табурете, удивился дед Мурзин.

– Так все, кто в тайгу ходит, те зажиточные...

– Вон как! – вступил в разговор Мишка Плотников. – Эт-то что же у нас такое наживное, ноги, руки да спина?!

– Почему же... – не ожидая такого напора высказываний, заерзал на стуле Ванька. – У кого два коня да две коровы есть, те в разряде.

– Дык, у нас, почитай, у всех, кто в тайгу ходит, по две коровы да два коня.

– Почему у всех? Вон, у Чигирьки нет ничего... у Семена Бородина или у нас, братьев Петровых... а у Егора вон – граммофон новый!

– Он как! – развел руками Гришка Соболев, и засмеялся. – Чигирька после тайги все в лавку Агею уносит...

– Сенька Бородин – лень вперед его родилась! – сорвалась бабка Казариха. – А у вас, братьев Петровых... мухи и те передохли, потому как вы топора в руках держать не умеете!

– Што?.. – позеленел от злости Ванька Петров. – Эт-то кто топора в руках держать не умеет?!

– Ты! – спокойно ответила в лицо пролетарию бабка Казариха, нисколько не пугаясь представителя власти за свои слова. Ванька был для нее не больше чем воробей в амбаре, воровавший ячмень. Таким она знала его с детства и говорила только правду. – Ты хоть помнишь, где у вас забор стоял? Перед тем как немца бить, отец ваш забор менял, так после него из вас никто жерди не рубил!

– Врешь, старая!.. – взорвался Ванька, но не договорил, подруге помогла бабка Фешка.

– Вы хоть без отца когда-то хозяйство держали?! – заглядывая в лицо пролетарию, спросила она.

– Да всю жизнь!..

– Ну да, втроем на одного кролика накосить сена не можете! – вставила слово Матрена Плотникова.

Ванька покраснел, как лапы у гуся:

– Вы это с кем разговариваете?!

– С тобой! – хором ответили бабы смеясь.

– Я представитель власти!..

– Это, может, в городе ты представитель власти, а здесь, в деревне, лодырь, всю жизнь побирался да кур по сараям воровал! Мы тебя знаем!..

Ванька вскочил, затопал ногами, не зная, что сказать, выскочил из дома, с улицы закричал:

– Ну, старые коряги!.. Запомните вы у меня этот день!

– Граммофон заberi! – гаркнул вслед Егор.

– Зачем граммофон? – удивился дед Мурзин.

– Чтобы зажиточным не быть, все равно сожрет, я на таких людей насмотрелся.

– Вот еще! – подбоченилась бабка Казариха. – Ты его с таким трудом добывал, столько тайги поломал, а ему так просто отдать?!

– А ему все равно, каким фертом музыка досталась! Не знаешь ты, мать, как у нас, под Суздалию, простых мужиков разбивали! Есть косилка – враг народа! Работает на дворе сезонный рабочий – кулак! Ну а как мельница, можно и пулю получить...

– Ну, это там, у вас... – нараспев протянула бабка Казариха. – Там до Москвы ближе, порядки другие.

– А у нас, тутак, даже царя не знали, как его зовут! Тайга – дом родной, медведь хозяин! – довольный своим высказыванием, затрепетал бородой дед Мурзин.

– До нас не докатится... – поддержал его Мишка Плотников.

– У нас, в Сибири-матушке, всегда спокойно было: хочешь жить – работай, никто тебе не указ! Ан не хочешь, шагай, поганки собирай... – размахивая руками, вскочил из-за стола старовер.

– Уж ты раскрылатился! – осадила его бабка Фешка. – Не пора ли домой, из одной чашки с Чигирькой окрошку лопаешь?!

– А мне што, Чигирька не человек? Да он мне лучше сто крат какого-то Ваньки Петрова, потому как в тайге у всех одна вера, один Бог: Спаси, Помози, Сохрани! А Ванька Петров какому Богу верит? Кто такой Ленин? Не знаю такого Бога!

– Уж ты старый! Язык-то придержи, как лопата! – бабка Фешка потянула мужа домой, схватила за шиворот, вытащила на улицу.

Однако хмельной дед не унимался, развязал язык принародно.

– А ну, покажись, Ленин! – размахивал старовер кулаками в небо. – Ястри ты, водки выпьем, с одного стакана, зараз по полному!.. Как хорош, ты, Ленин, в тайгу тебя возьму, за соболями, посмотрим, каков ты жук! А ну, как нет у тебя прыти, знать, лопух ты! Если работяга, умеешь соболя с обметом добывать, мороза не боишься, буду на тебя молиться! А на лыжах ходить не умеешь, грош тебе цена... лошадиная морда... не стоишь ты Пасхальной свечки!..

Бабка Фешка тащит мужа домой. На крики деда Мурзина вся деревня высыпала, смотрят, смеются, пальцами показывают. Единоверцы деду под ноги плюют: напился, старый, опозорил род!

Егор угрюмо смотрит соседу вслед в окно:

– Эх, Варлам Никитич, простая твоя душа: семь котят, да пень с опятами... Увидишь ты еще Ленина... но не пойдет он с тобой в тайгу! Тебе самому бы от него в глухомань-гольцы бежать не пришлось!

7

За синими распадками притаилось дикое, горное озеро. Сдавленное с двух сторон туполобыми белками, оно вытянулось во всю длину долины. Если смотреть сверху, с Горбатого перевала, Медвежье озеро напоминает перо глухаря из хвоста, такое же прямое и ровное. По берегам озера опушились вековые деревья, преимущественно вековой кедрач. В верхней его части, по всей ширине лога, будто вылизанные языком коровы отпечатались пустые, чистые поля-покосы. Внизу, в ногах таежного водоема, под сводом густых деревьев с трудом просматриваются квадратные строения отшельнической заимки.

Как давно в глухой тайге появились люди, знают только угрюмые горы. Дикий зверь, вслушиваясь с перевала в собачий лай, рвущуюся речь человека, вынюхивая предупреждающий, едкий дым, пугливо обходит озерную долину стороной. Редкий в этих местах путник, благодарно удивляется находке, точно так же, как мореход погибшего корабля видит в безбрежном океане очертания острова.

Своим появлением таинственная заимка обязана постоянным репрессиям и гонениям, длившимся на Руси со времен появления летописи. Во все времена неприязнь, вероисповедование, власть порождали войны, в которых страдал простой человек. В поисках лучшей жизни переселенцы уходили в глухие места, прятали себя, род свой, веру для продолжения жизни. С давних времен Сибирь была надежным защитником угнетенных, своеобразным крылом спасения, где свобода мысли шагала в одну ногу с волей.

Не счесть по Сибири староверческих заимок и скитов. Неизвестно точное количество людей, скрывавшихся за стенами маленьких монастырей, за огражденными от лихого глаза, зверя лютого кольями поселениями, как не знать истинный смысл появления человека на планете Земля. В каждом из них своя правда, разочарование или возрождение. Однако какими ни были законы затворничества, во все времена страждущему бродяге из приоткрытых ворот подадут кусок хлеба, протянут тлеющую лучину для костра. Таковы законы тайги: дай просившему, вернется благодарностью!

По выверенным временем, горем и лихолетьем правилам живет на Медвежьем озере род Погорельцевых. Старые люди рассказывают, что во времена раскола церкви пришли Погорельцевы в Сибирь, оставив за собой пепелище, огнем уничтожив непосильное добро, которое могло достаться православной церкви. Перебравшись на новое место, старообрядцы отстраивались вновь, но их догоняло время: церковь шла по пятам. Не задумываясь, староверы опять жгли жилье и уходили дальше в тайгу. Так было несколько раз, пока Погорельцевы наконец дошли до берегов Казыра, заново обжились, но и здесь задержались ненадолго. Столыпинская реформа дала свободу крестьянину. В поисках лучшей, сытной жизни в Сибирь потянулись сотни освобожденных рабов. Многие из них пожелали тоже поселиться на красивой, спокойной реке. Подобное соседство Погорельцевы не потерпели, опять уничтожили огнем нажитое трудом и упорством хозяйство, и ушли дальше, на малоизвестное Медвежье озеро.

Два дня перехода по дикой тайге значительно отлучили староверов с миром людей на какое-то время. Но горячие времена, смута, война с Японией, Первая мировая схватка, революция докатились и до медвежьих уголков. Цивилизация жалом острого топора вонзилась в строй отшельников. Раскол в роду разбил семью на части: шесть сынов и две дочери Погорельцевых ушли жить к людям. На Медвежьем озере осталось жить пять человек.

Самый старейший из всех, восьмидесятилетний представитель рода Погорельцевых, дед Лука Власович был настоящим наследником веры старообрядцев. Своей строгостью, властью, иногда граничившей с долей жестокости, глава семейства держал под контролем остатки некогда многочисленного рода. Подобный характером своему отцу, пятидесятилетний сын Фома Лукич не отличался складом от предка. Такой же суровый, требовательный, он строго спраши-

вал со всех о возложенных обязанностях. Его дорогая супруга Мария Яковлевна пунктуально выполняла заветы веры и следила за порядком в доме. Племянник Маркел к своим восемнадцати годам был настоящим хозяином Медвежьего озера и округи. Большой любитель и знаток тайги, он не ушел к людям, как братья и сестры, а остался верен родным просторам. Пятая, возможно, обиженная жизнью душа, была дочь Фомы Лукича и Марии Яковлевны, давно засиженная в старых девах Софья.

Несколько лет назад, тогда еще молодая, на выданье девушка – у староверов выходят замуж рано, в 16 лет – пошла весной за березовым соком. Ее привлек жалобный детский крик. Софья бросилась на голос. Она увидела неподалеку, на поляне, естественную в природе картину охоты: стремительный ястреб теребил раненого зайца. Софья поспешила на помощь, отбила косого, жалея, подняла на руки. Переживая очередную трагедию, – заяц думал, попал в руки охотника, – длинноухий попытался вырваться, стал отчаянно бить задними лапами и разорвал девушке когтями задних лап лицо. Трагедия была непоправимой. У девушки была изуродована левая часть лица, вытек глаз, порваны губы, нос, щека. Мать не смогла помочь дочери естественными, природными средствами. До конца своей жизни Софья осталась изуродованной страшными ранами. О предстоящей свадьбе не было речи. Увидев девушку, жених тут же отказался от совместной жизни. Обреченная быть вечной невестой, Софья покорно приняла свою судьбу одиночества. Чтобы не привлекать к себе внимания людей, теперь она больше старалась быть одна. В свои двадцать три года Софья ни разу не была в поселке.

Три года назад на заимку приходил Андрей Сердюк с напарником по охоте. В свое время, в японскую, Сердюк воевал на крейсере, видел море и всех ее обитателей. Увидев Софью, флотский мужик живо присушил девушке обидное прозвище – Камбала. Сердюк с товарищем ушел, а имя осталось. Теперь все, кто приходил на заимку, уже звали Софью Камбалой, а не по имени. Отец Софьи Фома Лукич, то ли от досады или сожаления, жалостливо косился на дочь, про себя шептал: «Хучь бы забрюхателя от первого... дедом сделала... да кто ж на тебя посмотрит? Эх, жисть...»

Тиха, спокойна, размеренна жизнь таежной заимки. Каждый день похож на предыдущий. Трепетное, раннее утро начинается рано, до рассвета, с глубокой, пронизательной молитвы. Завтрак длится в полном молчании. После трапезы Погорельцевы расходятся по своим делам. Лука Власович неторопливо обходит хозяйство, проверяя в постройках каждую мелочь: насколько прочно подходят ворота, ладно ли прикрыт мшаник с пчелами, погрызли или нет мыши сети. Сын Фома Лукич всегда при деле: чинит нарты, стругает лыжи, шьет хомут для мерина. Женская половина заимки в доме: надо выскоблить стол стеклом, приготовить еду, починить одежду и прочие мелочи, к чему не должна притрагиваться мужская рука.

На заимке нет лишь одного человека. Маркел без завтрака уже в тайге. Конец апреля – пора глухариних свадеб. На соседнем хребте токовище древних птиц. До зари парень побежал проверять с вечера расставленные петли. По насту это сделать легко, но надо успеть до восхода солнца, пока не прокис снег. Стоит задержаться, проспять, будешь проваливаться по пояс.

Позднее утро. Солнце пересело на пятый сучок кедра. Прозрачное, безоблачное небо дышит здоровьем жизни. Говорливый ветер прилег отдохнуть на выступе скалы. Где-то на озере глубоко, глухо разговаривает полынья. Морозный воздух напитан смолой оживающих деревьев, набухшей вербой, плотным настом, ледяной скалой за домом, парным тесом на крыше дома, дыханием коня, пригоном для коровы. На лужайке, перед временкой, вчерашнее солнце съело кусок слежавшегося снега. Первая проталина тут же окрасилась робкими ростками молодой травы. Дед Лука присел на корточки, отодвинул в сторону пышную, седую бороду, задвинул на затылок шапку, вскинул брови:

– Ишь ты! Едва оттаяла, а уже ползет!..

– Кто ползет? – отозвался из-под навеса сын Фома.

– Ну так, букашка. Вчерась тут снег был, к вечеру высох, а ныне уже букашку пригрело!

Фома Лукич подошел к отцу, присел рядом, улыбнулся:

– И точно, смотри-ка, ожила! Знать, к теплу...

– Тепло будет, – оглядываясь на озеро, заверил отец. – Вон со скалы шапка снега упала. Скоко лет замечаю: как шапка со скалы упадет, так вровень через неделю озеро провалится.

– Это так, – подтвердил сын. – Знать, надо копилку готовить, рыба пойдет.

– До рыбы рано ишшо. Рыба тепло любит! Как трава на заберегах пойдет, так, знать, нерест начнется: икру надо в теплую воду метать!

Отец с сыном помолчали, выбирая слова, о чем говорить. Фома Лукич знает обо всем с рождения, однако не желает перебивать Луку Власовича: старость надо уважать!

– Гляко ты! – перевел разговор сын. – А паучок-то к тебе ползет!

– Ну! И точно! – выдохнул Лука Власович. – К чему бы то?!

– Дык, как к чему? Гость, однако, будет!

– Гость? Откель ему взяться-то сейчас?! Вроде не время: ни пешком, ни на лыжах! Никогда такого не было, чтобы к Пасхе люди были. Надо первых ходоков ждать к Троице, не раньше...

– Это так, – подтвердил сын, – в распутицу к нам не добраться.

На этом разговор был окончен. «Старый да малый» разошлись по двору. Фома к верстаку, кедровую колодку пчелкам подгонять. Дед Лука полез на сеновал, посмотреть, хватит ли сена корове да коню до первой травы. Потом вернулся, сел на чурке подле дома.

На цепи приподнялся зверовой кобель Ингур. Пес закрутил головой, несколько раз предупреждая гавкнул на тайгу. Дед Лука приподнял ухо у шапки, стал всматриваться по сторонам. Где-то далеко, в займище, послышался шорох быстрых шагов. Вон между деревьев мелькнул силуэт человека. Из-за деревьев к дому подошел Маркел. Дед Лука убрал руку ото лба, равнодушно спросил:

– Что так мало?

Маркел проворно подошел к крыльцу дома, снял со спины пару глухарей, положил их на вид, отряхивая с одежды перо, басовито ответил:

– Не разыгрались еще... рано... – и в избу: – Соня! Выйди!

На его зов тотчас выскочила Софья, поправила платок на голове.

– Прибери, – указал Маркел на птиц, а сам присел рядом с дедом.

– Ну-ну, – тем временем продолжал Лука Власович, поучая внука. – Надо было на каменной гриве петельки между полянок раскинуть. Там иной год хорошо петухи собираются!

– Был там сегодня, ставил. Росомаха двух штук съела...

– Росомаха? – переспросил дед Лука, будто слышал имя этого зверя первый раз. – Ишь ты! Пакась ненасытная, – и уже поучительно, глядя куда-то на гору: – Помню, однако, давно было! Так же силки ставил на глухаришек, а она за мной по следам ходила, всех, кто попадется, ела, перо не оставляла. Долго меня томила, пока я подвалку не сделал, да на нее же петельку спроворил – там она и попалась! Старая была, ни одного зуба...

Дед Лука говорил что-то еще, показывая пальцем в небо, как надо промышлять зверя, но его никто не слушал. Случай, о котором говорил старожил трехсотый раз, Фома и Маркел знали наизусть. Тофаларский способ ловить росомаху в петлю по наклоненному дереву известен по всей Сибири. Дядя и племянник смотрели друг на друга, спрашивая глазами: «Ты слышал?» Пока дед Лука продолжал напутственный речи, оба утвердились: «Точно! В займище кто-то есть!»

За озером слышалось движение. Ингур подал голос. Помогая ему, из-под крыльца, от щенков, выскочила поджарая сука Айба. Собаки залаяли на тайгу, точно определяя присутствие постороннего рядом с заимкой.

Дед Лука вскочил с чурки, вытянул глуховатое ухо, спешно переспросил:

– Медведь али человек?!

– Шас посмотрим... – негромко ответил Фома, приложив ладонь ко лбу против солнца. – Вроде человек... зверь бы убежал!

Все разрешилось очень скоро. На опушку леса перед озером друг за другом выскочили две пестрые, черно-белые, с заваленными на спину в калач хвостами лайки. Своей породой они сильно походили на собак Погорельцевых Ингура и Айбу. Такие же поджарые, короткие телом, но высокие на ногах, они выдавали чистую кровь тофаларских соболятниц.

Сразу все встало на свои места. Погорельцевы шагнули навстречу гостям.

Следом за собаками на поляну выплыли четыре седых оленя. На двух из них всадники, другие, ведомые, под грузом. Не останавливаясь, маленький караван свернул к дому.

Остановив оленя, первый всадник проворно спешился, отдал повод младшему спутнику, а сам протянул руку:

– Торова, Лукин Влас! И ты, Фомка, трастуй, и Маркелка, трастуй!

Староверы по очереди подали правую руку друзьям: здороваться с пришлыми не возбраняется, а вот есть с одной посуды, грех.

– Здорово, Оюн, бродячая твоя душа! – в свою очередь, с удовольствием пожимая руку тофаларам, улыбались Погорельцевы. – Каким ветром занесло?

– Ветром не несло, олень ноги сам ехал! – показывая прокуренные зубы, радовался Оюн. – Тарога плахой, ночь надо ехай, день спи. День олень на прюхо валится, шагай не может! Ночь карашо, снег карашо, ходи далеко, много! Быстро к вам ехай!

Оюн полез за пазуху за кисетом, достал трубку, подкурил. Староверы отошли на должное расстояние, спасаясь от греховного дыма. Тофалар, не обращая на них внимания, глубоко затягиваясь табаком, сразу стал рассказывать о наболевшем:

– Тавай, Лукин Влас, табак! Сапсем табака нет, худо без табака, шипко худо! Маненько осталось, – показал кисет, – другим не давай никому, баба не давай, сын не давай. Баба сапсем шипко много курит...

В доме Погорельцевых держать табак нельзя, вера не позволяет, грех большой. Однако для друга Оюна Фома Лукич специально сажит несколько кустов зелья. Раз-два в год Оюн приезжает в гости к Погорельцевым, табак всегда кстати.

Вредная привычка курить – не единственное искушение Оюна. Не имея границ воздержания от алкоголя, тофалары готовы идти в любой конец тайги за предложенным угощением, стоит позвать в гости и обещать «огненной воды». Погорельцевы держат для себя пять ульев с пчелами. Этого хватает на еду и достаточное количество медовухи, которую Оюн очень любит. На угощение тофа староверы не скупятся. Чистокровные тофаларские лайки Ингур и Айба – прямые потомки таежных собак кочевников. Своей работой по медведю и соболю они давно доказали жителям заимки свою пользу в тайге и стоят гораздо дороже бочонка с медовухой.

И все же в этот раз появление гостей тофаларов вызвало у Погорельцевых удивление. Обычно Оюн приезжал к ним после того, как растает снег, до большой травы, или поздней осенью, перед охотой, после первых заморозков. Сейчас же, в распустье, когда весна борется с зимой, а в тайге не пройти ни пешком, ни на лыжах, преодолеть дальний путь из-за границы гольцов по жидкому насту было странным. Погорельцевы не спешили узнать причину визита. Они знали, надо будет, Оюн расскажет сам, однако чувствовали, что такую даль за неделю дороги на оленях тофалар ехал не зря.

Между тем Оюн не спешил. Раздобрев от крепкого самосада, охотник передал трубочку сыну Тулюшу, подождал, когда тот затынется два раза, отобрал ее назад и только после этого заговорил:

– Гостить пуду толго! Назад хода нет, тепло путет семь дней. Патом маненько холодно будет, наст пудет, тогда пойду. Гольцах снега много, долго лежать пудет. Холодно будет, карашо будет олень шагать, тогда поетем... – и уже сыну, указывая рукой рядом с домом: – Чум там

ставь, однако много с другом пить путем, говорить путем, патом спать путем и опять пить путем.

Тулюш проворно повел оленей к указанному месту. Ему не надо повторять дважды, что и как делать. Он приезжал на заимку несколько раз и знает, под каким деревом стоят их шесты для чума.

Маркел пошел помогать Тулюшу. Младший Погорельцев уверен, что гостям бесполезно предлагать место во временном домике (захожей временке), – в дом приглашать нельзя по вере – все равно откажутся: «Шипко шарко! Как спать можно?..»

Лука Власович крикнул женщин. На крыльцо выскочила Софья, поняла, что от нее требуется, исчезла в доме, но быстро вернулась с туесом и кружками, в котором что-то плескалось. Оюн расплылся в глубокой улыбке. Фома Лукич тут же налил, – «пока бабы стол готовят» – себе в отдельную посуду, тофаларам в другую. Оюн на такое разделение не обижается нисколько, давно знает: «Вера такой!»

Через некоторое время за домом вырос меховой чум из шкур, загорелся костер, все собрались неподалеку от огня. Софья накрыла на чурках небольшой стол, принесла соленые грибы, мед и прочие закуски. Оюн достал из своей котомки вяленую оленину, вареного глухаря, копченого тайменя:

– Польше нет ничего, промышлять нато...

Сели, налили, выпили: каждый из своей кружки. Женщины в застолье участие не принимали, у староверов не принято. Оюн все время смотрел на Софью, потом на Тулюша, на Фому и деда Луку и опять на Софью. Так длилось долго, пока Лука Власович не заметил его поведение.

– Ты что, никак свататься пришел? – с усмешкой спросил старовер, подливая в кружку тофалару.

– Хотел, однако, да за Соньку денег нет давать: просто так нельзя!

– Вот те разлука! И за кого же ты ее хотел сватать? – удивились Погорельцевы.

– Вот, однако, за Тулюша.

– За сына?! – в голос переспросили староверы.

– Так, да, – угрюмо кивнул головой Оюн.

– А сколько ему лет?! – дед Лука почесал за ухом.

– Шеницца нато, много уже! – заверил охотник и поднял глаза к небу. – Тулюш сапсем пальшой. Не знаю, как пальшой, однако на пальцах так будет, – и показал на руках сначала десять, а затем еще пять пальцев.

– Ишь как! Так он же ей еще в пуп дышит!..

– Какой пуп? – вытаращил глаза Оюн. – Никакой пуп, как раз карашо...

– Так она ж его на десять лет, почитай, старше!..

– Это карашо, баба пальшой. Репятишки здоровый путут!

– Ну ты и спросил... – смеются дед Лука и Фома. – Да ты посмотри на ее лицо: все, кто не смотрит, бояться здороваться!

– И што? Пускай лицо! Баба тайга красивый не надо быть. Баба тайга работай надо. Сонька работай карашо, долго смотрю. Как еду, всегда смотрю: ходит пыстро, тихо, кушай варит, шьет одежды, собаку любит.

– Вон как?! Это как понимать, собаку любит?!

– Баба собаку любит, значит, муша любить путет! – пояснил Оюн серьезным тоном. – Смотреть надо так: баба собаку к груди жмет, будет муша всегда любить. А как к ногам жмет, гулять будет... Сонька всегда возле Ингура сидит, к груди жмет: кароший баба Сонька будет... верная!

– Вот те раз! Кто же это тебе такое сказал? – смеются староверы.

– Никто не сказал, – нахмурил брови тофалар. – Все так говорили. Бабка мой говорила, мать мой говорила... люди старые говорили, давно такой примета есть!

– Ну, не обижайся! – попытался обнять друга немного захмелевший Фома. – И как они жить будут вместе?

– Шить? Карашо шить! Сополь, белка, капарга стреляй! Тайга туда сюда ходи! Тайга много – месяц едешь на олене, не приедешь. Другой сторона едешь, опять не приедешь. Олень Соньке кароший дам, у бабы моей кароший олень, пальшой. Мой баба много кушать хочет... тяжелая, толстая, как медведь на орехе. Олень идет под ней, на колени падает. Сонька худой девка, пусть на олене едет, а баба пешком идет!..

Все смеются: рассмешил Оюн! Простой тофалар, как ребенок, дитя тайги, но честный, чистый, как новая монета. В любом слове нет намека на обман и лесть, все говорит так, как есть. Отказать Оюну – обидеть, а обидеть – грех! Что делать? Как быть староверам? Не пойдет Софья замуж за кочевого охотника, не тот уклад жизни, да и вера не та. Никто не согласится на ее свадьбу с Тулюшом. Не выдержит девушка такой жизни. Тофаларам что? Сегодня здесь, завтра там: движение впитано с молоком матери. А Софья, девушка русская, привыкла к постоянству. Пусть заимка стоит в тайге, рядом с медвежьими берлогами, однако это не значит, что у нее нет дома. В лучшем случае Софья недалеко ходит, по охотничьим избушкам, и назад, на заимку. Да что там говорить? Глупо отдавать дочь и внучку на верную гибель!

Однако как отказать Оюну, не обидев его? Об этом стоило подумать.

Дед Лука и Фома переглянулись: как быть? В таком случае нельзя обещать на будущее. Может, сказать, что Софья уже посватана? Оюн спросит, кто жених. А если определится, что это неправда?

Думают староверы про себя, а Оюн в это время разошелся после третьей кружечки, заплакал:

– Промышлял с сыном сополя на Искерки таг...

– Это где Тропа бабьих слез?

– Так, правильно говоришь, Фрол. Тулюш хотел тебе сополя за Софью давать, чтобы ты рат был, Лука Влас рат, Софья рата, Маша рата. Всем карашо, и нам карашо!

– Что ты, Оюн! Какое приданое? Все равно Софья за Тулюша не пойдет...

– Теперь, наверно, правда не пойдет... – подтвердил Оюн, поник головой и опять пустил слезу.

– Что с тобой, дорогой? Успокойся, найдешь ты Тулюшу новую невесту... – стали его успокаивать староверы, думая, что причина слез тофалара только в этом.

– Не найдет Тулюш жену... русские сополя украли на лабазе!

– Как украли?! – в голос спросили Погорельцевы.

– Так, однако. Был сополь – нету! Оюн ходил, смотрел, еще столько ложил, – показал два пальца – было столько, – показал два раза по десять и еще три пальца, – патом пошел, нету сополь... украли русские!..

Погорельцевы ахнули: вон в чем причина несвоевременного приезда Оюна! И Софья здесь ни при чем: договариваться о свадьбе можно и в июне, когда снег растает, ход хороший. Да уж, дела... и соболей немало, двадцать три штуки! Целое состояние!.. Наверно, долго Оюн с Тулюшом собирали приданое, несколько лет. Вероятно, соболя были самые отборные...

У староверов хмель вылетел из головы. А ну как на них подумает?! До хребта Искерки таг (тайга черноспинных соболей) по Тропе бабьих слез, где охотился Оюн с Тулюшом, от заимки недалеко, на коне ехать три дня.

– Почему ты знаешь, что русские украли соболей?! Видел кто?! – осторожно спросил Лука Власович.

– Как не видел? Глаза мой видел! – поднял брови Оюн и посмотрел на друзей строго, серьезно.

Погорельцевы знают, что тофалары, дети тайги, могут прочесть любой след зверя и человека. Врожденное искусство следопытов привито им с молоком матери, в тайге замечают любую мелочь. Опытный глаз видит то, на что русский даже не обратит внимание. И все же дед Лука не замедлил узнать точную причину обвинения.

– Оюн зимой ходил, когда пальшой снег падал, все было! Я сополь ложил, снег мой след закрыл. Недавно опять ходил, снег таять начал, нет соболя! – жестикулируя руками, объяснял охотник.

– Ну, знаешь ли... – переглянулись Погорельцевы. – С декабря по апрель четыре месяца прошло... столько снега зимой было... как понять, кто соболей украл?

– Клубный ты, как молодой олень! Неужели не видно? Все видно! Лесницу русский не так ставит, всял, залес, патом убрал на место кте всял. Наши так не делают. Наши лесницу взял, поставил, салес, украл, а лесницу оставил: пусть думают, что хозяин забыл, а росомаха пакастила.

– Почему так думаешь? А может, русские тоже лесницу под лабазом оставляют?

– Нет, не так. Тоф знает, где чей лабаз и когда придет хозяин. Тоф никогда не полезет чужой лабаз, когда рядом хозяин. Русский убирает лесницу, не знает, что хозяин далеко или рядом. Русский думает, украл, придет хозяин, смотрит, нет лесницы, значит, никто не был, опять уйдет, так много будет дней... уйти далеко можно...

– Ишь ты... ну у тебя и представления...

– Да, я так думай. Патом, на лапазе хитрость есть. Я уздечка весил для оленя. Тоф уздечку никогда не возьмет: зачем? Каждый охотник сам уздечку делает, сам узлы шьет, жилы оленя сурочит. У каждого своя уздечка. Наденет вор уздечку на своего оленя, другой сразу увидит: «Уздечка Оюна! Вот он вор!» Тоф не возьмет уздечку, зачем ему на себя говорить вор? Русский обязательно уздечку на лапазе возьмет, скашет, пусть хозяин думай, тоф вор!

– И что, осталась на лапазе уздечка?..

– Нет, уздечки нет, русский взял, потом, наверно, выкинул... еще на лапазе посуда не так лежит... продукты украли, табак... следы на снегу...

– Следы?! Какие могут быть после четырех месяцев следы?!

– Ну, точно глупый! – рассердился Оюн. – Смотреть надо, куда вор идти хотел. Вор следы путать бутет, по-разному ходить. Тоф на олене опязательно поедет туда, где олени по горам ходят, чтобы следов много было. Русский без оленя на лыжах пойдет по хребту, чтобы ветер след кушал, а потом уйдет вниз, где много снег падай. Я на лапазе понял, что сополь русский взял, стал смотреть, куда вор по хребту пойдет. Там два хребта: один смотрит, где солнце встает, другой, где солнце садится. Где солнце встает, там тофалары живут: зачем туда идти? Я пашел, где солнце садится, стал смотреть, где русский мог лучше вниз, к реке уйти... нашел! Русский на лыжах катился, патом думай, Оюн не найдет, стал костер делать. Однако я костер нашел!

– Костер?! А костер-то как нашел под снегом?

Оюн посмотрел на Погорельцевых, как на детей малых, покачал головой: что с такими делать? Ничего не понимают!

Фома постарался, подлил тофалару медовухи для лучшего разговора. Все подождали, когда тот выпьет. Наконец-то Оюн продолжил:

– Найти, где костер был под снегом, мошно. Смотри, где ветер не дует, где ручей близко, где сухое терево смола есть. Там и костер путет.

– Ты нашел такое место?! – Лука Власович вытер пот на лбу, взмок от нетерпения.

– Нашел!.. – с удовольствием посмотрел на своих друзей охотник и немного выпил из своей кружки. – Там, пальсой кедр был, старый, сухой. Смолы много! Русский смолу рубил, костер зажигаю.

– Почему ты думаешь, что это тот же русский кедр тесал, а может, это кто другой был? – спросил Фома Лукич.

– Ты, однако, Фомка, опять молодой олень! – развел ладони Оюн, шумно вздохнул и стал объяснять: – Только русские смолу топором стругают. Тофа маненько ножом ковыряй, хватит! Другим оставляй надо. Русский всегда много готовит дров, пальшой костер делает. Тоф маленький костер делай, зачем пальшой? Пальшой шарко шипко! Котелок на маленький огонь быстрее закипай, надо думать, как котелок весить на огонь...

Молчат Погорельцевы, слушают Оюна, что скажет дальше. Очень уж интересно, как это все ему легко дается разгадывать следы давно минувших дней. Между тем тофалар совсем захмелел, язык развязался, на сына покрикивает, учит, как надо чум ставить, да оленей привязывать. Тот косо смотрит на отца, но перечить не смеет, почитает старших. Потом догадались Погорельцевы, что Тулюш на табакерку отца смотрит, курить хочет, но спросить не смеет, ждет, когда последний спать ляжет, чтобы использовать его кисет по назначению.

Фома Лукич протянул Тулюшу табак в мешочке: ничего не сделаешь, он и без него курить будет. Тулюш схватил табак, поблагодарил Фому, тут же вытащил из-за пазухи свою, новую, сделанную своими руками и ножом трубочку, набил ее табаком и прикурил от костра. Хмельной Оюн не без гордости качнул головой, – мой сын! – отобрал у него остатки махорки, положил себе в карман и отмахнулся как от комара:

– Скажи завтра рано, там... курить маненько нато, табак беречь нато!..

Тулюш равнодушно отодвинулся к чуму, ближе к Маркелу, тот обещал налить втайне от всех немного медовухи и дать еще табаку.

Сдружились юноши, одной души, таежной. Тулюш плохо знает русский язык, но зато отлично объясняется жестами рук. Маркелу есть чему поучиться у Тулюша. Молодой тофалар в совершенстве знает повадки зверей и всевозможные способы охоты на них «без железа и пороха». Стоит удивиться, как Тулюш точно бросает в дерево нож или стреляет из винтовки на огромное расстояние.

У Луки Власовича нетерпение, тянет Оюна за рукав куртки:

– И как, что дальше было?

Тофалар покачивается из стороны в сторону, – выпил лишнего с дороги – однако о разговоре помнит. Еще выждав немного времени, будто сопоставляя все точности, Оюн продолжил:

– Патом, снег маненько копай, костер ищи... нашел костер! Все хорошо смотри, опять следы находи. Мой снег резал, смотрел, как падай, думай, когда костер гори... там, глубоко, снег чистый, как сахар. Так бывает, когда холодно, чум сильно топи...

– Значит, до этого морозы были, снег перемерз, – пояснил Фома.

– Так, наверно... правда. Патом костер гори... над ним, серый снег...

– Надувной, значит... метель, что ли, была? – наморщил лоб Фома.

– Ты, однако, Фомка, уже лучше оленя думай! – улыбнулся Оюн. – Правильно говоришь! Вор, кто разводил этот костер, украл соболей до большого ветра...

– Метель!.. Когда же у нас зимой была большая метель?... – глядя куда-то вдаль за озеро, вспоминал Фома, однако, Лука Власович перебил сына.

– А что тут думать? Надо Софью спросить, она дни и погоду отмечает! – освежился умом старовер и крикнул во весь голос: – Сонька! Поди сюда!..

На его крик из дома на крыльцо проворно выскочила Софья, немой взглядом спросила, что надо.

– Неси сюда свои талмуты, где ты погоду отмечаешь...

Девушка пожала плечами, однако послушаться не посмела, ушла в дом и вскоре вернулась с толстыми, церковными тетрадами. Фома подождал, когда она подойдет рядом, с гордостью попросил:

– Скажи нам, дочь, когда зимой большая метель была?

Софья, напряженно прикрывая страшную часть лица платком, стала смотреть бумаги, что-то перебирая губами, наконец-то ответила:

– В эту зиму две метели больших было, одна до Рождества, вторая, под весну.

– Две? – удивленно поднял брови Лука Власович, будто не знал, что в зиму иногда метет несколько раз, и долго. – Так как же нам теперь определиться?

– А ну, дочка, смотри, что перед метелями было?

Софья опять посмотрела на бумаги, зашевелила губами, через некоторое время пояснила:

– Перед рождественской метелью долго снег шел, две недели, вот, записано. А после Крещения морозы стояли три недели, а потом опять метель была.

– Вот, наверно, эту, вторую метель, нам и надо! – довольно воскликнул Фома Лукич. – Когда это точно было?

– 7 февраля метель началась, пять дней длилась...

– Вон как!.. Значит, Оюн, соболей у тебя вначале февраля украли... – значимо подняв указательный палец, сказал Фома, и скорбно пошутил, – осталось узнать, кто украл...

– Вот такой русский, – Оюн привстал на согнутых ногах, и ладонью показал примерный рост подозреваемого человека, на голову выше себя.

– Вот как!.. – удивились все, и даже Софья, которая хотела уйти, но дед Лука остановил ее жестом руки. – А это ты как определил?!

– Там где костер был, ряпина вот так клонись, – тофалар показал, как было изогнуто придавленное снегом дерево. – Русский снег бил с ряпины, патом рятот костер зажигаи. Патом на лышах в ручей шагаи за водой, и как раз под ряпиной хорошо ходи...

– А если он нагибался, когда под ней проходил? – прищурил глаза Лука Власович.

– Смешной ты, как сова, – развел руками Оюн и засмеялся. – Где рябина, горка ехай нато, как наклоняйся носом снег?.. Русский так ехай, – показал, как человек катился на лыжах. – Наклоняйся плохо, лучше пройти стороной. Но русский ходи пот ряпиной...

– Понятно... – соглашаясь, протянул Фома и посмотрел на отца, который так ничего и не понял из объяснения Оюна.

– Оюн патом смотри, снег тихо убираи, мало-мало гляди, – продолжал Оюн, показывая руками, как он осторожно убирал у костра снег, – русский кури тва раза, чай вари, мясо кушай, тальше шагаи...

– А почему два раза курил, а не три? – пожал плечами Фома.

– У русский привычка табак туши... дави так, – охотник показал, как человек давит тлеющий табак о дерево, перекрывая огню кислород. – Привычка кароший, пожар не будет. Русский два раза табак рябину дави... Русский трубка нет. Русский табак бумага крути. Патом смотри карашо, русский кушай мясо, жила попадаи. Русский жуй, так не мог кушай... тогта русский жилу плуй, Оюн жилу находи, смотри, жила на шея марала, – показал себе на затылок, откуда был кусок мяса. – Патом Оюн смотри, чай русский много пей густой... не шалко, чай, тапак мой лапаз бери, не шалко, много кури, пей... – закончил Оюн грустным голосом, выпил из кружки и вспомнил: – русский ногой вот так делаи, – тофалар привстал и стал крутить правой ногой на носке, будто старался задавить в землю камешек.

– Почему это он так делал? – удивлению Погорельцевых нет предела.

– Я не знаи. Там, где костер, место твердо, долго крути ногой, патом стоял, тоже крути... может, нога боли, мосоль... ичиги маленький, ноги когда морозил шипко... не знаи. Только видел, как он это делаи. А патом вор сюда ходи, к вам! Мы за ним с Тулюшом сюда пришли...

Для Погорельцевых эта новость как нож в сердце:

– Ты думаешь, что это кто-то из нас твой лабаз ограбил?

– Сто ты, сто? Не думай так! – замахал руками Тулюш. – Лукин Влас не вор! Фомка не вор! Маркел не вор! Мой так не говори, знаю... кто вор, кури много! Вы, однако, не кури.

Никто ваш так ногой не крути! Зачем думай зря? Лукин Влас труг! Фомка труг! Маркел труг! Оюн хотел за Тулюша Софку сватай! – при этих словах у Софьи дугой выгнулись брови от удивления. – Кто вор, мимо ходи. К вам гости заходи, трастуй говори, и тальше ходи...

– Ишь, как все разложил... – успокоившись, покачал головой Лука Власович. – Как по бумаге писано!.. Значит, говоришь, кто у тебя соболей украл, через нашу заимку проходил?!

– Так, наверно. Мой след смотрел. Русский три раза ночуй под берево, там, в другом месте. Патом нет следа, снег вали. Однако мимо сюда не ходи... негде ходи... тарога одна... тут шел!

– Вон что, значит... было дело... выходили из тайги мужички после охоты. Только вот не видел у кого-то из них я много соболей! – вспоминая, задумчиво проговорил Фома.

– Разве кто покажет... – почесал затылок Лука Власович.

– Это точно, – подтвердил сын. – А что, Софья, есть ли у тебя записи, кто к нам этой весной заходил?

– Да как же, батюшка, – ответила девушка, – есть такое дело. Меня матушка не зря письму учила, да наставления дала значимые записи каждый день делать, – и открыла толстую, набухшую от частого использования книгу.

С детских лет, едва познав старославянскую азбуку, Софья научилась писать. Мария Яковлевна обязала дочь к записям значимых событий семьи Погорельцевых, которые отмечались в тетрадах. Немного позже, с двенадцати лет, Софья сделала первую запись в Святой книге летописи рода Погорельцевых, которая велась со дня раскола Церкви и времен переселения семьи в Сибирь. К настоящему времени книга была изложена в пятом томе и имела внушительно толстый, уважаемый вид.

Софья листала недолго, открыла нужную страницу, подняла на отца половину открытого от платка лица:

– От какого числа читать, батюшка?

– А вот, от метели и читай!

– Знать, от седьмого февраля?

– Да уж, будь добра...

– Здесь первая запись после метели через месяц, пятого марта первые охотники заходили, трое: Добрынин Иван, Мальцев Григорий и Тулин Василий.

– Вон как! Помню, – посмотрел куда-то вдаль Лука Власович, – было такое дело, большие нарты на троих тащили. Но то ить они свои: Ванька Добрынин, свояк по бабе приходится, как подумаешь?

– Сваяк он или не свояк, а думать придется... – хмуро заметил Фома и опять обратился к Софье: – Дальше читай, кто еще был?

– За ними Семен Пономарев. С ним, из ссыльных, казак, Егор Подольский. Это было на два дня позже...

– Да, заходили, было дело, – подтвердил Фома. – Семен сказал, под Фигурными гольцами соболя промышляли. Это тоже в той стороне, где у Оюна лабаз... может, и наткнулись...

– Может, однако, ткнулись, сополя промышляли, лапас находи, шкурки бери, – насыпая в трубку табак, проговорил Оюн.

– Ладно, хорошо, этих тоже заметим, хотя тоже непохоже, что Семен вор... пусть у него характер своенравный, но чтобы что-то чужое взял, вряд ли... про Егора не скажу, он из новых... – размышляя, потянул бороду Фома и опять спросил: – Кто еще был?

Софья уткнулась в книгу, потянула руку вниз, опять назвала фамилию:

– Гришка Соболев последний заходил, в середине марта. Он один был... и вот еще... – назвала другие фамилии. – Всех – двенадцать человек.

– Кришка Сополев?! – переспросил Оюн. – Нет! Кришка – кароший охотник, один тайга броди. Кришка чесный окотник, сополя не бери!

– Не знаю, Оюн, на кого думать... После Гришки еще мужики были. Всех было двенадцать человек. Ну, за свояка я поручиться могу: Добрынин Ванька не возьмет, да и своим напарникам не даст. Остаются другие: Пономарев, Подольский, Соболев, еще шесть поселковых. Из них, думаю, вора проще найти, все равно, кто-то деньгами сорить будет! Двадцать три соболя – дело не шуточное, деньги большие, – хмуро высказался Фома и вдруг ободряюще похлопал тофалара по плечу: – Не переживай, Оюн! Покажут себя твои соболя! Найдем вора! Будет время, выкупим мы тебе невесту! – и покосился на дочь. – Только не Софью!

– Пашто так? – хмельно качаясь из стороны в сторону, удивился Оюн.

– Да не родятся у русских баб дети от тофаларов! Не будет у тебя внуков, – грубо соврал Фома, – седло не то!

– Как то?! – выкатил глаза Оюн.

– А вот то!.. Софья на коне верхом ездит, а у коня седло не то, на оленя не подойдет... значит, не сможет Софья на олене ездить.

К широко открытым глазам Оюн добавил рот. Было видно, что из сказанного он ничего не понял, однако в хмельном восприятии все же хотел казаться умным. Важно нахмутив брови, Оюн обреченно покачал головой и скромно выдавил:

– Мой понял! – и Тулюшу: – Однако, сын, Софья нам не надо, седло не так. Поедем, однако, к Табаргаевым. У них пять точка замуш надо. Табаргаев говорит, у моей девка любой седло как раз!..

8

След соболя – триумфальное шествие дорогого пушного зверя по Великой сибирской тайге! Небольшие, размером с деревянную ложку четки приводят в восторг любого промышленника, следопыта за мягким золотом. Простые, косые метки на холодном, безжизненном снегу, а как много они значат для человека, хоть единожды испытавшего фарт охотничьей удачи! Несведущему барину, городскому дилетанту мало что станет известно от первого взгляда на цепочку небольших ямок на поверхности зимнего покрывала. Иной не сможет различить, кто оставил следы. Другой равнодушно вскинет плечи: «Ну и что? Может, пробежал заяц или лиса...» А настоящий профессионал-соболятник в волнении склонит голову низким поклоном (будто в дань уважения перед проворным хищником!), проверяя следы зверька. И сразу все станет ясно. Через минуту у охотника найдутся все ответы на скрытые вопросы: кто, куда, зачем, для чего прошел, и есть ли смысл преследовать зверька. Опытный глаз быстро, без сомнения отличит кота от кошки; сытый соболь или голодный; ищет мышей (мышкует), кормится или возвращается на лежку в теплые корни кедра; проходной или местный; молодой или старый; больной или здоровый; сильный или слабый и прочие тонкости. В итоге старый, опытный промысловик может даже определить цвет шкурки зверька и не ошибиться на одно слово. Кто-то спросит у соболевщика с затаенным дыханием: «Откуда ты это все знаешь?» На что охотник просто, без гордости, степенно подкуривая самокрутку, ответит: «Годы, ноги, да здоровье!...»

Обитая только на одном континенте земного шара, соболь всегда был дорогостоящей валютой в торговле. С незапамятных времен шоколадные шкурки служили козырем при обмене товара. Цари, короли, шахи, вельможи, богатые люди разных стран никогда не скупились расчетом с русскими купцами за естественное величие природы. Любопытен был готов отдать баснословные барыши за мягкий, неповторимый по красоте ворох полосатых шкурок. Никто не жалел золото, шелк, зерно, оружие и прочие редкие товары за искушение иметь богатую шубу. На том держалась торговля с заморскими делопроизводителями «от рода начальника». Это подтверждает имя хищному зверьку, что в переводе с древнеиндийского переводится как соболь – полосатый.

Старые люди помнят от своих предков, какими щедрыми и богатыми были края сибирские по наличию соболя. Иной старожил, степенно бодрствуя остатки лет своей жизни на завалянке, масляно щелкал языком, вспоминая прошлое: «Соболя было, как бурундуков на орехе!» С этим нельзя не согласиться, так как всего полтора столетия назад шкурки соболей считали сороками (связка в сорок штук), а примитивные орудия ловли кулемы добывали в сезон по два, три и более зверьков каждая.

Легко объяснимо, что исконные места обитания соболя – Сибирь – не осталась без внимания предприимчивого глаза. Многотысячная армия охотников за мягким золотом опутала просторы тайги паутиной беспощадного промысла. Чтобы прокормить себя и свои семьи, «простые смертные», переселенцы голодного запада, люди из-за Каменного пояса (Урала) заплонили некогда девственные места Сибири, добывая соболя в таком количестве, насколько позволяла охотничья котомка. Промысел без границ хаосом вездесущего шелкопряда нанес поголовью хищного зверька ощутимый урон. За сто лет массового истребления (XIX – начало XX века) соболь стал настолько редким для родных мест, что встретить знакомую чету следов – большая редкость, а добыть – настоящая удача. Дефицит шкурок соболя породил настоящий бум пушной лихорадки. Цена на соболя возросла в десятки раз. Добывая две-три шкурки в сезон, соболятник мог безбедно прожить с семьей год. Вот только какой ценой, силой и упорством доставались промысловнику шкурки соболя, знает суровая зима, бессонные ночи, избитые ноги да здоровье охотника.

Чтобы хоть как-то облегчить промысел, любой соболятник заранее «готовит себе почву»: строит новое зимовье, ладит ловушки, затаскивает в тайгу продукты. Иначе потом будет некогда. Наступит зима, выпадет снег, ударят морозы, у костра долго не проживешь. А в стенах избушки можно отдохнуть, восстановить силы, подготовиться к очередной охоте.

«Готовить почву» надо летом, едва сойдет слежавшийся снег. Летние дни длинны, как линия горизонта. Пока светит солнце да празднует июнь, можно пройти и сделать столько, что не хватит сил и духу. Опытные охотники в такие дни всегда в тайге. Кто-то валит лес на новое зимовье. Другие закрепляют на деревьях верховые ловушки-кулемы. Третьи караулят в скрадках зверя. Отдельно от всех, под высокими, скалистыми гольцами, рубят новое зимовье Гришка Соболев и Егор Подольский.

Два месяца прошло с памятного дня, когда мужики сговор решили: этой зимой идти в тайгу с обметом вместе. Было дело, за праздничным столом Егор свой сон рассказал. Гришка тогда эпизод выслушал внимательно, спросил у товарища, как сезон отошел, а потом долго усмехался над тем, как Семен Пономарев во время раздела добычи себе двух соболей взял, а Егору одного сунул: «Ты молодой в нашем промысле, тебе и меньше причитается. Я тайгу больше знаю. Зимовье мое, обмет мой, значит, мне больше отходит!..» Ничего Егор Семену не сказал, пусть будет так, как есть, один соболь, тоже неплохая добыча! А вот Гришке такой фарт явно не понравился.

– Обманул тебя Сенька, как простофилю! – гремел тогда на всю избу громким голосом Гришка, для важности ситуации помогая кулаком по столу. – Как есть надул!.. А ты согласился... а еще казак!

– Отчего же не согласиться?! – пожал плечами Егор. – Один соболь – и так достаток.

– Ну да. Сенька себе коня купил, а тебе на сапоги не хватило! А знаешь ли ты, что Сенька – пройдоха первой гильдии? С ним всегда так, никто в тайгу идти не соглашается, а ты пошел!

– Отчего же не пойти? Он мне всю тайгу показал, где, что и как!

– Хе, тайгу... – покачал головой Гришка. – Подумаешь, за поскотину один раз сходили, и только...

– Почему за поскотину, – растерялся Егор, – вон где были!.. Аж под Крутыми гольцами соболя гоняли...

– Хе, – не унимался хмельной Гришка, – под Крутыми гольцами... четыре дня спокойного хода на лыжах. А хочешь, с тобой пойдем?! Вместе?! Покажу тебе настоящую тайгу, куда мало кто ходит?!

– Отчего же не сходить! – не раздумывая, согласился тогда Егор, сомневаясь, что хмельной Гришка вспомнит об этом разговоре.

– Тогда по рукам! – протянул Соболев руку через стол и пожал жилистую руку казака. – Готовь чуни, чтобы ноги до пахов не мозолить!

– Да уж готовы... – улыбнулся Егор, чувствуя, какая сильная рука у Гришки.

В тот день Григория опять ребяташки увезли из дома Запольского на нартах, спать уложили, печь истопили. На следующий день Гришка бросил пить, отлежался два дня, куда-то сходил по крепкому насту в тайгу на неделю, а потом, вернувшись, вдруг зашел к соседу.

– Разговор помнишь? – спросил он у Егора, глубоко заглядывая ему в глаза.

– Помню, – ответил Запольский, пыхая сердцем, – не забыл...

– Тогда понемногу собирайся. После Троицы пойдем, под Курбатым гольцом избу срубить надо, там зимой с обметом промышлять будем!

Курбатьй голец для Егора – все одно что созвездие Гончих Псов на небе: слышать слышал, говорили мужики, а где находится, не имел малейшего представления. Однако побывать там пришлось. Привел Гришка напарника в глухое урочище, за четвертый водораздел. После шестого дня пути на лошадях, когда в густых облаках перед ними вдруг выросли низкие горы, остановил Григорий своего уставшего, спотыкающегося коня, осмотрелся, довольно заключил:

– Вот здесь, Егорка, будем с тобой промышлять. Мало кто сюда хаживал, места глухие, сободем богатые! Приходил я сюда как-то, был немного, да не выдержал, ушел. Высоко здесь, горы, у костра много не проживешь... избу рубить надо!

Зимовье мужики ладили недолго: на третий день к вечеру венцы из круглого леса под крышу загнали, дверь и оконце вырубили, нары на двоих да стол слепили, черную печь из камня выложили. Под конец работы, убедившись, что все задуманное сделано, Гришка наконец-то воткнул топор в чурку и облегченно вздохнул:

– Вот, однако, теперь будет куда зимой прийти! – и к Егору: – А ты ничего, молодец в тайге! Проворный, как горностаи, да не ленивый. С таким в паре ходить можно...

– Что там, – обрывая похвалы, равнодушно ответил Егор. – Всегда так надо, по-хозяйски, чтобы прочно да крепко было. На моем месте любой таежник так сделает!

– Да нет, не ставь в один ряд коня с коровой! Конь работает, а корова, знай себе, только сено жует! – усмехнулся Гришка. – Человек человеку рознь! С одним пойдешь – одно не нравится. Второй на себя права старшего берет. Третий учит, как промышлять зверя. Четвертый, как начнешь соболей делить, хочет себе поболее урвать. А я так думаю: в тайге все равны! Будь ты хоть сам Иван Царевич, а с другими считаться надо. И добычу делить по справедливости! Однако не каждый это понимает... поэтому я хожу в тайгу всегда один. Тяжело одному-то, да что поделывать? Вот с тобой ныне сходим, посмотрим, как все будет. Если ты мужик, значит, честь тебе и хвала. А коли что не так, опять один бродить буду...

Остановили работу Григорий и Егор, стали ужин готовить. Последний вечер под Курбатым гольцом проводят, завтра утром надо в сторону дома продвигаться. Дома тоже работа ждет. Подрядились мужики по реке Казыру лес плавить через Гуляевский порог. Зарботки хорошие, да летом в тайге большой работы нет. Главное, на зиму зимовье поставили! Однако одним обметом сыт не будешь: Егору семью надо кормить.

Горит костер. Редкий дым поднимается столбом и рассеивается высоко в воздухе: к хорошей погоде! Вокруг, куда ни посмотрит глаз, красота высокогорий! Грязные плешины не растаявшего снега перемешиваются с молодой зеленью. Густая трава пестрит яркими эдельвейсами и жарками. Ароматный воздух несет свежесть подступающего вечера. Запах молодой смолы растворяется в терпкой прохладе оттаявшей земли. Холод ледников несет сырость промозглых каньонов. Вершины господствующих пиков разбивают визуальное представление о близости предметов. Кажется, стоит протянуть руку, и можно дотянуться до отдельной гряды камней. На самом деле, курумники находятся на расстоянии полета пули. В горах все по-другому, чем в глухой тайге. В глубоких долинах празднует бал жаркое лето. Здесь, под Курбатым гольцом, еще весна.

Егор любит красотами гор. Второй день, как на пиках гольцов растворились облака. Он не знает, не помнит дороги, как Григорий привел его сюда. Все дни, пока они шли сюда, над тайгой стояла плотная пелена туч, по горам нельзя было определить, где находишься. Мелкий, морозящий дождь вымотал силы. Сильный, волевой Егор под конец пути горел желанием отказаться от перехода, идти назад. И только спокойная, безмолвная спина Гришки тянула и звала его вперед. Иногда выносливый проводник останавливался, строго смотрел в глаза напарнику, будто проверял дух Егора. Егор молчал, знал, испытывает его Григорий. А тот равнодушно отжимал мокрую кепку, укрывал на спинах лошадей груз и опять продолжал шагать вперед:

– Сегодня дождь, завтра хорошая погода! Не сахарные, не растаем!..

Так и получилось, не растаяли. Однако когда пришли на место, ночь проспали у потухшего костра, не было сил проснуться, поджечь огонь. Утром встали от холода, на одежде снег. Кое-как справившись с волей, стали работать, готовить лес для постройки. А лошади, после перехода, еще день не могли встать на ноги...

Любуется Егор красотой диких гор, удивляется: как могла природа создать такое чудо? Смотришь пики, глаз не отвести, будто бабка ворожея взгляд присушила! Горы, распадки, поляны луговые, гривы каменные, ущелья черные, будто из сказки про Кощея Бессмертного. Если смотреть долго, разыграется воображение: вот они, чертоги злодея! И станет немного не по себе, кажется, выйдет из-за пика страшный демон, спросит: «Зачем пришли? Уж не за той ли красавицей, что спрятана в горном каньоне?» А навстречу Кощею добрый молодец на лихом коне: «Вот он я! Долго я к тебе ехал, отдавай мою красавицу! Не отдашь добром, будем биться!...»

Егор много раз задавал себе вопрос: как Гришка шел без какого-то ориентира шесть дней и не ошибся в направлении? Проводник на его немой вопрос лишь тяжело вздыхал: «Коней жалко... ноги по камням набили!» Лошадей Егору тоже жаль, однако и о себе подумать не грех, как поднимались последний хребет, ноги судорогой свело, не разогнуть. Гришка на боль Егора вопрос решил быстро, ткнул острием ножа в мышцы, судорога отступила, легче стало.

– Я себе всегда так делаю, когда ноги заламывает! – смеется Гришка, толкая нож в ножны. – В таких случаях главное – острое под рукой держать... вдруг где на переправе такой случай произойдет!

Переправ было много, Егор со счету сбился. За один день несколько речек преодолели, где вброд, а где и за лошадьми, вплавь. За ними хребты, перевалы, спуски, водоразделы... наконец-то пришли! Умный бы сказал: «Макар телят не пас!» Наверно, так и получается. В таких местах пастухам не место, медведи в вид друг за другом по луговым полям ходят, квадратные головы на людей смотрят. Егору не по себе, зверям со счету сбился, а Гришка смеется:

– Не трусись, мужик! Они нас сами боятся!

Медведя Егор не боялся, не из робкого десятка, одно слово – казак! Казакам трусость неведома. Другое дело, интересно знать, куда пришли, где они находятся. Гришка, будто понимая состояние друга, при хорошей погоде стал объяснять.

– Вот, перед нами бугор каменный, в скалах: это и есть Курбатый голец. Это он со стороны кажется высоким да неприступным, самый высокий в округе. А сейчас маленький потому, что мы рядом с ним на высоте, все время, сколько дней шли, постепенно поднимались. Зачем поднимались? Так, паря, чем выше в горы, тем соболев чернее, дорожка стоит!

– Можно было в логу избу срубить, а за соболями сюда подниматься, – высказал свое мнение Егор.

– Неправильно думаешь, – усмехнулся Гришка. – А ну, как снег задавит? Вниз по снегу проще уйти, чем в гору подняться. Опять же, с другой стороны, изба наша стоит на перепутье, вот он, перевал. Отсюда можно легко уйти в вершины четырех рек, туда или сюда. По вершинкам соболев всегда держится. Что было бы, если бы мы с тобой зимовье в логу срубили? Одно направление, по займищу, вдоль реки. Там соболев мало, тропить тяжелее... думать надо, паря!

Егор молчит, понимает, что словами Гришки говорит истина: он опытный, потомственный охотник, ему и карты в руки. Раз он так делает, значит, все правильно. А Григорий дальше показывает, рассказывает да объясняет, где какие места, называет господствующие голыцы, куда ручьи бегут, чтобы лучше было ориентироваться Егору не только в хорошую погоду. Как-никак, промышлять здесь придется, а в тайге всякое бывает...

Наконец-то дошла очередь до далеких рубчатых гор, что сзади. Гришка повернулся впол-оборота, привлек внимание напарника, стал показывать пальцем:

– А вон, видишь, три пика вместе? Да, те, что самые низкие? Вот, за ними, с той стороны мы в прошлом сезоне с Семеном Пономаревым соболятничали...

– Да ну!.. – не поверил Егор. – Это мы так далеко зашли?! До них отсюда, на лошадях дня два хода... и там, еще... на лыжах домой три дня шли зимой! Мне казалось так далеко...

– Так и есть, – смеется Григорий. – Где вы ходили, след моих лыж давно растаял под солнцем. Семен в этих краях никогда не был, для него это далеко!

– А он говорил, что всю тайгу исходил...

– В первом водоразделе... а мы – за четвертым! Ну да ладно, видно, ему здесь и не бывать: смелости от юбки оторваться не хватит! – хладнокровно ответил Гришка и стал объяснять дальше: – А вон, левее, видишь высокую узкую горку? Это и есть белок Пайдаба. За ним Тропа бабьих слез... вот оттуда кочевники гоняли хакасов в Монголию через Саяны в рабство... где-то там ты и видел сон про золотую статую.

– А что, правда, говорят, была та золотая статуя?!

– Да кто ее знает!.. В общем-то, в старые времена буддисты из золота идолов отливали, было дело. Может, кто и додумался золотого Бога создать, а монголы отобрали... не зря же сказки рассказывают!.. – мешая в котелке кашу, заключил Гришка и попросил: – Однакошь недосол... неси соли, добавим.

– Где? – вставая с места, спросил Егор.

– Там... наверно, в моей котомке, в кармане мешочек...

Егор зашел в новую избу: вечер, сумеречно, Гришкина котомка висит в углу на деревянной палочке. Он сунул руку в карман, сразу нашел пухлый мешочек, потрогал на ощупь, – твердые крупинки, похожие на соль, – понес хозяину. Гришка, не глядя, взял мешочек, перевернул его, вытряхнул на ладонь бирюзовые бусы. Егор слепо уставился на женское украшение, не понимая ситуации: зачем Гришке в тайге бусы? Медведю дарить собрался? И тут же вспомнил, что видел эти бусы в лавке у Агея. Много мужиков и женщин рассматривали украшение, намереваясь купить, однако, цена была несоизмеримо высока. Редкой красоты камушки, под цвет перевернутого в озеро неба, были дорогими, не каждому охотнику по карману. Расхваливая свой товар, Агей клялся, что бусы сделаны из редких камней хризолита, изготовлены, отшлифованы в Амстердаме. Затем были куплены золотопромышленником Багровым в самом Париже и наконец-то, перепроданы купцу Бродникову в случае неуплаты долгов.

Врать Агей умел, тут уж ничего не скажешь! Иной раз, бывает, забитому таежнику селедку представит кетой или горбушей. Что значат для деревенского мужика фамилия Багров или Бродников? Таковых, может, и на свете никогда не было, фантазия лавочника. Но какой эффект производят на покупателя выпученные глаза Агея, поднятый к потолку указательный палец да змеиный шепот:

– Да ты что, не знаешь, кто такой Багров?! Да это же тот самый!..

Знамо дело, тут не только в Багрова поверишь, но и в черта. В такой момент лучше поскорее что-то купить у Агея да быстрее уйти восвояси, пока тот еще тухлой муки в долг не записал.

Понятное дело, Егор не верил Агею, что бусы из настоящего хризолита. Таежный поселок не то место, куда можно везти драгоценности. Не такой уж он дурак, чтобы покупать стекляшки, и зачем они ему? Наталья украшения не любит, ей подавай внимание и ласку. А вот Гришка, поди ж ты, украшение приобрел. И зачем ему бусы?

Вывалил Григорий на ладонь бусы и тут же спрятал назад.

– Соль в другом мешочке... – смущенно ответил он, бережно заталкивая содержимое во внутренний карман куртки.

Егор сделал вид, что ничего не заметил. Не хочет человек говорить, незачем и спрашивать, надо будет, сам расскажет.

Рано утром, когда стеклянная роса рассыпалась осколками хрусталя на траву, Григорий и Егор уже были в дороге. Отдохнувшие за неделю лошади, без груза, ходко понесли на спинах своих хозяев. Добрая, хорошая погода сопутствовала быстрому передвижению охотников. До восхода солнца они уже были перед крутым спуском, на краю огромной, подбелочной чаши. Здесь Григорий потянул за уздечку, остановил своего Мишку, повернулся к Егору:

– Смотри по сторонам, запоминай местность. Может, одному ходить придется, – и, определяя будущее направление, махнул рукой влево, в обход скалистых гольцов. – Так поедem, по Тропе бабьих слез.

– Но там же дальше! – попытался возразить Егор.

– Зато тут дорога лучше... по белогорью, да тропой, быстрее будет. Я так всегда назад домой возвращаюсь.

Егор равнодушно пожал плечами: «Как скажешь! Поехали!»

9

Дня не проходит, чтобы Софья за озеро не вышла. Едва начинает солнце на вершину старого кедра садиться, девушка незаметно уходит из дома своей тропинкой в лес. По берегу озера, к заимке идет добрая, натопанная копытами лошадей, оленей, ногами людей дорожка, но Софья ходит отдельно от всех, между высокоствольными деревьями, кустами и колодинами. Никто из семьи не знает о ее тропке. Даже вездесущий следопыт Маркел, знающий в округе каждую кочку, наблюдая, как Софья исчезает в тайге, в испуге осеняет себя крестом: «Ушла как в воду канула!..»

Сколько лет ходит Софья своей тропинкой, знает только ветер да деревья. Может, все началось с того дня, когда она поняла, что жизнь отнеслась к ней строго. Люди смотрели на нее в страхе, родные и близкие – с сожалением. Братья молча игнорировали ее присутствие. Некогда близкие сестры вышли замуж за единоверцев, отделились и стали чужими. Давно выплаканы все слезы. Где-то глубоко в душе засохло горе. Лучшей подругой и спутницей в жизни Софьи стало постылое одиночество.

Несколько лет назад на заимку в гости верхом на лошади приезжала бабка Варвара Мурзина. Поддерживая родословные связи, смелая старушка иногда посещала Погорельцевых одна, невзирая на расстояние и возможные препятствия. Дикого зверя бабка не боялась – «Бог знает, кого хранить, а кого в ад пустит!» – в свои почтенные годы с лошадью управлялась с завидным упорством. Единственной бедой бабки Варвары была забота о муже, чтобы тот, «хрящ окаянный, не напился с неверными в ее отсутствие». Пребывая в гостях, старушка всегда тяжело вздыхала: «Нет ничего страшнее слепоты, паралича да одиночества!» Долгое время Софья не придавала ее словам особого значения, а в один из вечеров, поняла, что эти слова бабка Варвара говорила ей.

Дикая тропинка Софьи проходит неподалеку, параллельно дорожке, идущей вдоль озера. Когда девушка идет по ней, ей хорошо слышно, а местами видно, что происходит на берегу водоема, в то время как она остается невидимой для других. Софья всегда ходит в одном направлении, вдоль озера, вверх по займищу. Эту дорогу она выбрала специально. Там, за границей густого кедрача и ельника, есть небольшая горка с площадкой. С небольшой возвышенности хорошо видно половину озера, большую поляну перед заимкой, крышу дома, лес за речкой, далекие горы на западе. А еще с площадки далеко просматривается Тропа бабьих слез. Иногда Софья видит на тропе диких животных, путников, таежников, случайно или намеренно оказавшихся в этих краях. Люди летом здесь появляются часто. Нередко на тропе можно увидеть бредущего медведя и не удивиться его присутствию. И обрадоваться живой душе, из последних сил старающейся дойти до человеческого жилья.

В последние дни Софья ходит на пригорок ежедневно. Матушка Мария Яковлевна тяжело вздыхает ей вслед, – «Зачастила!..» – как будто знает причину поведения дочери, но никому ничего не говорит. Софью угнетает свое состояние. Она догадывается, о чем думает мама, но пока что боится поговорить с ней.

К назначенному часу Софья старается справиться с возложенной работой, бежит по своей тропке, боясь опоздать. Несколько часов бесполезного ожидания, до вечерней молитвы, опять несут тоску и грусть, в которой бьется яркий лучик надежды: может, завтра...

Год назад, ранней весной, в марте, Мария Яковлевна отправила Софью за рябиной:

– Сходи, дочка, поищи мерзлых ягод... может, где есть, птицы не поклевали... десны болят... надо бы отвар испить.

Девушку не надо долго упрашивать, встала на широкие, камусные лыжи отца, пошла потихонечку вдоль озера. Софья знала, что сейчас рябину можно найти в лучшем случае на старой гари, за озером, вверх по реке.

Идти пришлось долго. Высокое, ласковое, весеннее солнце подогрело воздух. На лыжи стал налипать снег. Софье приходилось часто останавливаться, чтобы сбить палкой налипшие куски мокрого, зимнего покрывала. До старой гари девушка шла долго, еще дольше искала остатки рябины и только лишь под вечер, когда солнце упало за плоский перевал, уставшая и голодная Софья вышла назад, на свою лыжню.

Думая о чем-то своем, негромко разговаривая с собой, считая, что здесь она одна, девушка едва не лишилась чувств, когда вдруг услышала рядом грубый, мужской голос:

– Здравствуй живешь! А я думаю, кто это тут по гари стук да стук?!

Софья так и стояла, испуганная, с приоткрытым ртом, выронив на снег гроздь рябины, забыв закрыть платком от человека изуродованную половину лица. Он неторопливо поднялся с нарт, шагнул вперед, наклонился, поднял алые гроздь ягоды, подал ей. Она спонтанно взяла их, но так и осталась стоять, плохо соображая, кто перед ней. Он улыбнулся, над короткой бородой образовалась добрая, приветливая улыбка, и это приободрило ее. Она упокоилась, собралась с силами и тут вдруг вспомнила про свое лицо, хотела закрыть его, но он остановил ее:

– Не надо, не закрывай... нежли я не видел?.. Что есть, то есть... Лучше вон помоги нарты до заимки дотащить!

Наконец убедившись, что перед ней хороший человек, а не бродяга, Софья засуетилась, не зная, что делать, схватила лямку, перекинула через плечо, потянула, но он остановил ее:

– Так дело не пойдет! Лучше давай я потяну, а ты сзади стягом помогай. Рябину-то, вон, на нарты положи...

Она сделала так, как он просил: зашла сзади, уперлась телом в палку, стала толкать тяжелые нарты. Он потянул – дело пошло! Нарты поехали.

Через некоторое расстояние он остановился, дал ей передохнуть:

– Не торопись, тут уж недалеко осталось! А я вот третий день, как волок ташу... зверя добыл, рыба да соболя, – объясняя ситуацию, рассказывал охотник. – А сегодня вот, в квашню попал: солнце снег подогрело, идти нет мочи. Хотел встать на день, да, думаю, до заимки дойду-таки... – и уже ей: – А ты сильная! Смотри, как вдвоем быстро дело получается!

Прошли еще немного. Вот уже дым чувствуется, но остановились, так он захотел.

– А ведь я тебя знаю, – вдруг сказал он, посмотрев на нее. – Ты Софья Погорельцева, дочь Фомы!

– То что я меченая, это не значит, что ты должен меня знать, – наконец-то за все время ответила девушка и, нахмурившись, прикрыла лицо платком.

– Что ты?.. Я не то хотел сказать... при чем здесь твое состояние? Главное в человеке – душа и сердце! В них вся красота! Вот ты согласилась мне помочь, значит, есть в твоём сердце доброта и отзывчивость. Другая, может, убежала, бросила... а ты, нет, вот со мной мучаешься...

Первый раз за все время общения Софья посмотрела на него удивленно: слова какие говорит, непонятные...

Взяли разом, протащили нарты еще. Вон уже дом видно, собаки навстречу бегут. Софья подала голос, Ингур и Айба узнали, закрутились рядом, стали чихать, потом побежали назад.

– А ты и впрямь хорошая, смотри, как тебя собаки любят! – сказал он. – Не каждая собака у ног хозяина от радости чихает!..

У Софьи от волнения сердце бьется: никто из мужчин такие слова не говорил раньше. Почему дыхание рвется?!

Еще прошли немного, можно за один рывок нарты к дому подтащить, но он остановился почему-то опять:

– Давай передохнем немного, сил нет, садись, посидим!..

Он сел на передок нартов, она боком, с краешку, сзади. Она косо смотрит на него, что еще скажет. Он задержал свой взгляд на ее целой половинке лица дольше обычного, наконец-то наклонил голову:

- А ты привлекательная!
- Да уж! – с недоверием пыхнула она. – Особенно вторая сторона лица.
- Не унижай себя. Если о тебе говорят хорошо, не отказывайся от этих слов.
- Ты врешь все, – обиделась она и отвернулась.
- Тебе часто врал?!?
- Нет, мне не врал, а говорили, что я уродина.
- А ты не слушай никого: скажи себе, что я красивая, и все увидят твою красоту!
- Как же, увидят...
- Постарайся!

На крыльцо дома вышел Фома Лукич, крикнул издали:

– Эй, кто там? Нашей веры или чужой?

– Хозяин! Пустишь ночевать православного? – вставая на голос, отозвался охотник. – Я тут не один, Фома Лукич, дочь твоя рядом, помогает нарты везти.

– Что-то не могу признать, кто таков будешь?

– Гришка я, Соболев! Знаешь ли такого?

– Знать не знаю, но слышать слышал, – удовлетворенный ответом, ответил Фома и приказал, – ночевать вон в захожей хате будешь! Дрова там, лучины на столе, печь истопишь, нары разложишь, – и уже дочери. – Софья! Домой шагай, вечерню служить! – и ушел в дом.

Девушка послушно встала, склонила голову, хотела идти. Он взял ее за запястье, приостановил на мгновение:

– Спасибо тебе! Меня Гришкой зовут...

– Я уже поняла, – улыбнулась Софья уголками губ, высвободила руку и быстро ушла к себе.

С того дня все началось. Возвращаясь домой, Григорий теперь обязательно заходил на Погорельцевскую заимку, ночевал в захожей избе, благодарил хозяев, уходил так же внезапно, как и появлялся. Лука Власович и Фома Лукич в его визитах ничего странного не видели: мало ли людей ходит по тайге? Отказывать в приюте – грех! А только однажды кто-то заметил, что охотник неспроста к ним заходит. Пригляделись, и правда, Гришка-то внимание Софье оказывает! Старый Фома Лукич встретил подозрение в штыки: «А ну, как девку испортит?» Фома оказался умнее отца: «Будя уж... насиделась. Может, внуком обрадует...» Мария Яковлевна, завидев Гришку, в напряжении качала головой: «Ах, девка, мужик-то хороший! Кабы у вас сладилось хоть на ночьку, я бы ему только спасибо сказала!»

Однако Гришка не спешил. Редкие визиты, раз в два-три месяца, не приносили конечного результата. Все было как в первый раз: разговоры, шутки, не более. Казалось, Гришка чего-то ждет или присматривается к девушке. А между тем в сердце Софьи загорелся костер.

Появится Гришка у Погорельцевых, спросит разрешения на ночлег, займет свое место, вечером выйдет перед домом, поговорит с хозяевами, начинает разговоры вести, где был, да что видел. Рассказчик из Гришки хороший, слушать не переслушать. В запаснике Гришкиной памяти много случаев, что в тайге творится. Он может смешно описать медведя, который с пнем боролся. Тут же, прыгая, по поляне, вспомнит оленя, который боится тени от тучи. Другой раз просмеет жадного таймешенка, который прыгнул из воды за трясогузкой, но не рассчитал силы и выскочил на песчаный берег. Вытянув шею, ни дать ни взять правда, изобразит глухаря на току, как тот попал лапой между сучков, не может высвободиться, а вокруг – восемь капалух.

Все свои истории Гришка преподносит со свойственным его разговору юмором. Старый Лука Власович смеется до слез: артист, да и только! Фома тоже не держится, пыхтит от удо-

вольствия в бороду. Маркел всегда с Гришкой рядом, впитывает разговоры как мох дождевую воду: «Как так? Столько интересного вокруг! А у меня ничего не происходит...» Гришка пожимает плечами, бодрит юношу: «У тебя все еще впереди! Смотри внимательно – и увидишь!»

Софья довольна общением с Гришкой больше всех. Никто еще не оказывал ей столько внимания. Голос Гришки ласковый, как теплый ветер в сенокос; взгляд пронизательный, будто глубина озера; внимание мужика цепкое, как первый морозец на легкую одежду. Как стоит Гришка рядом, у Софьи колени подрагивают, на спине капельки пота собираются. Всякий раз, как заходит Гришка из тайги, всегда какую-то диковинку несет. Один раз подарил камешки плоские, вместе слепленные, а между ними, крючок. Ну ни дать ни взять глаза филина и нос между ними! В другой день принес белый, чисто-прозрачный камень кварц, размером с кулак. Внутри него величиной с царский червонец золотой кап-самородок. Если держать кварц в тени, он молчит серой смолой, стоит вынести на солнечный луч, затомится камень желтым цветом, будто оживет и подарит тепло! Смотрит Софья на подарки, не налюбуется. Не потому, что все имеет какую-то материальную ценность, а оттого, что их нашел, принес и подарил Григорий.

Бегают Софья на свой пригорок каждый вечер: Григорий должен прийти со дня на день!.. С высоты хорошо видно большую тропку от озера вдоль реки. Приближение человека к заимке можно увидеть издалека, вон от того, третьего поворота. Как увидит девушка Григория, сразу, спустится на тропу, наденет платок новый, цветными нитками вышитый, сарафан чистый, что отец из поселка привез, в косу гребешок кедровый заправит. Чем не девица-красавица? Пойдет Софья по тропке, навстречу милому. Он удивится, спросит: «Откуда ты, как знала, что я пойду?» Она смущенно пожмет плечами, покраснеет щеками: «Так просто, гуляла, о тебе не думала...» Он засмеется: «Ой, ведь врешь! По глазам вижу, что врешь!» Потом шутливо, осторожно обнимет ее за плечи! Может быть, даже, поцелует ее в щеку... Потом, пойдут они по тропинке вдоль озера рядышком. Он как всегда будет Софье что-то рассказывать, она слушать. И не будет в это время никого счастливее их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.